

ВВЕДЕНИЕ

1. Экономическая теория и праксеология

- 1 **Э**кономическая теория является самой молодой наукой. Конечно, за последние 200 лет на основе дисциплин, знакомых еще древним грекам, возникло много новых наук. Однако в данных случаях часть знания, которая до этого уже утвердилась в сложившейся старой системе знаний, просто стала автономной. Область исследований была более точно подразделена и исследована с помощью новых методов; в ней до сих пор открываются незамеченные области, и люди в отличие от своих предшественников начинают видеть вещи в новом свете. Сама область не расширилась. Но экономическая теория открыла для человеческой науки предмет, прежде недоступный и неосмысленный. Открытие регулярности в последовательности и взаимозависимость рыночных явлений вышли за рамки традиционной системы учений. Появилось знание, которое нельзя было считать ни логикой, ни математикой, ни психологией, ни физикой, ни биологией.
- 2 Долгое время философы стремились выяснить цели, которые Бог или Природа пытались достичь по ходу человеческой истории. Они искали закон судьбы и эволюции человечества. Но попытки даже тех мыслителей, чьи изыскания были свободны от любых теологических тенденций, потерпели полное фиаско, так как их подвел ошибочный метод. Они занимались человечеством в целом или оперировали другими холистическими понятиями — нации, расы или церкви. Такие мыслители устанавливали вполне произвольные цели, которым должно было соответствовать поведение подобных целостностей. Но они не могли дать удовлетворительного ответа на вопрос, какие силы заставляют множество действующих индивидов вести себя таким образом, что реализуются цели, намеченные неумолимым развитием этих целостностей. Они прибегали к отчаянным средствам: чудесным вмешательствам божества

или откровениям богопосланных пророков и посвященных, предустановленной гармонии, предназначению или действию мистических и сказочных «мировой души» или «национальной души». Другие говорят о «хитрости природы»^[1], заложившей в человеке порывы, ведущие его точно по пути, заданному Природой.

Часть философов были более реалистичны. Они не пытались разгадать замыслы Природы или Бога. Они смотрели на человеческие дела с точки зрения государства, устанавливающего правила политических действий, так называемые методики руководства и искусства управлять государством. Отвлеченные умы разрабатывали грандиозные планы глубоких реформ и переустройства общества. Более скромные удовлетворялись сбором и систематизацией данных исторического опыта. Но все были абсолютно убеждены, что в событиях общественной жизни отсутствуют такие же регулярность и устойчивость явлений, какие уже были обнаружены в способе человеческих рассуждений и в последовательности природных явлений. Они не искали законов общественного сотрудничества, потому что считали, что человек способен организовать общество как ему захочется. Если социальные условия не соответствовали желаниям реформаторов, если их утопии^{#1} оказывались нереализуемыми, вина возлагалась на нравственные недостатки человека. Социальные проблемы рассматривались как этические проблемы. Все, что нужно для построения идеального общества, считали они, — хорошие государи и добродетельные граждане. С праведниками можно воплотить в жизнь любую утопию.

Открытие неотвратимой взаимозависимости рыночных явлений изменило это мнение. Сбитые с толку люди вынуждены были приспособливаться к новому взгляду на общество. Они с ошеломлением узнали, что человеческое действие может рассматриваться не только как хорошее или плохое, честное или нечестное, справедливое или несправедливое. Общественной жизни свойственна регулярность явлений, которую человек должен учитывать в своей деятельности, если хочет добиться успеха. Бесполезно относиться к событиям общественной жизни с позиций цензора, который что-то одобряет или не одобряет в соответствии с совершенно произвольными стандартами и субъективными ценностными суждениями. Необходимо изучать законы человеческой деятельности и общественного сотрудничества, как физик изучает законы природы. Революционное превращение человеческой деятельности и общественного сотрудничества в объект науки о данных связях взамен нормативной дисциплины о вещах, какими они должны быть, имело огромные последствия как для познания и философии, так и для общественной деятельности.

Однако на протяжении более чем 100 лет влияние этого радикального изменения способов объяснения оставалось крайне ограниченным, так как люди считали, что они относятся только к узкому сегменту общей области человеческого действия, а именно к рыночным явлениям. В своих исследованиях эконо-

3

4

мисты классической школы столкнулись с препятствием, которое они не сумели преодолеть, — очевидной антиномией ценности. Их теория ценности была несовершенной и заставила ограничить рамки своей науки. До конца XIX в. политическая экономия оставалась наукой об экономических аспектах человеческой деятельности, теорией богатства и эгоизма. Эта теория исследовала человеческую деятельность только в том случае, если она была вызвана тем, что описывалось — весьма неудовлетворительно — как корысть, и утверждала, что существуют и другие виды человеческой деятельности, изучение которых является задачей других дисциплин. Трансформация учения, начало которому положили экономисты классической школы, была завершена только современной субъективистской экономической теорией, преобразовавшей теорию рыночных цен в общую теорию человеческого выбора.

- 5 Долгое время никто не осознавал, что переход от классической теории ценности к субъективистской теории ценности оказался не просто заменой менее удовлетворительной теории рыночного обмена более удовлетворительной. Общая теория выбора и предпочтений выходит далеко за рамки, ограничивающие пределы экономических проблем, которые были очерчены экономистами от Кантильона, Юма и Адама Смита до Джона Стюарта Милля. Это нечто гораздо большее, чем просто теория экономической стороны человеческих усилий, стремления людей к предметам потребления и материальному благосостоянию. Это наука о любом виде человеческой деятельности. Любое решение человека связано с выбором. Делая выбор, человек выбирает не только между материальными предметами и услугами. Выбор затрагивает все человеческие ценности. Все цели и средства, материальное и идеальное, высокое и низкое, благородное и подлое выстраиваются в один ряд и подчиняются решению, в результате которого одна вещь выбирается, а другая отвергается. Ничего из того, что человек хочет получить или избежать, не остается вне этой единой шкалы ранжирования и предпочтения. Современная теория ценности раздвигает научные горизонты и расширяет поле экономических исследований. Из политической экономии классической школы возникла общая теория человеческой деятельности — *праксеология*^{1, [2]}. Экономические, или каталлактические, проблемы^{2, [3]} влились в более общую науку и больше не могут рассматриваться вне этой связи. Изучение собственно экономических проблем не может не начинаться с исследования акта выбора; экономическая теория стала частью, и на сегодняшний день наиболее разработанной, более универсальной науки — *праксеологии*.

¹ Термин «праксеология» впервые использован в 1890 г. Эспинасом (см.: *Espinas. Les Origines de la Technologie // Revue Philosophique. XVth year. XXX. P. 114–115* и его книгу, опубликованную в Париже в 1897 г. под тем же названием).

² Термин «каталлактика», или наука об обмене, впервые был использован Уотли (см.: *Whately. Introductory Lectures on Political Economy. London, 1831. P. 6*).

2. Эпистемологические^[4] проблемы общей теории человеческой деятельности

В новой науке все казалось сомнительным. Она была незнакомкой в традиционной системе знаний; люди были сбиты с толку и не знали как ее классифицировать и какое место ей определить. Но с другой стороны, они были убеждены, что включение экономической теории в перечень наук не требует реорганизации или расширения всей системы. Люди считали свою классификацию полной. И если экономическая теория в нее не вписывалась, то вина может возлагаться только на неудовлетворительную трактовку экономистами своих задач.

Лишь полное непонимание смысла полемики о сущности, границах и логическом характере экономической теории заставляет отбрасывать ее как схоластические препирательства педантичных профессоров. Существует широко распространенное заблуждение, что, в то время как педанты занимались бесполезными разговорами о наиболее подходящих методах исследования, сама экономическая наука безотносительно к этим пустопорожним спорам спокойно двигалась своим путем. В ходе *Methodenstreit*^[5] между австрийскими экономистами и представителями прусской исторической школы, называвшими себя «интеллектуальными телохранителями Дома Гогенцоллернов»^[6], и в дискуссиях школы Джона Бейтса Кларка с американским институционализмом^[7] на карту было поставлено значительно больше, чем вопрос о том, какой подход плодотворнее. На самом деле предметом разногласий были эпистемологические основания науки о человеческой деятельности и ее логическая законность. Многие авторы, отталкиваясь от эпистемологической системы, для которой прагматическое мышление было чуждо, и исходя из логики, признающей научными помимо формальной логики и математики лишь эмпирические естественные науки и историю, пытались отрицать ценность и полезность экономической теории. Историзм стремился заменить ее экономической историей; позитивизм рекомендовал в качестве замены иллюзорную социальную науку, которая должна заимствовать логическую структуру и модель ньютоновской механики. Обе школы сходились в радикальном неприятии всех достижений экономической мысли. Перед лицом этих атак экономисты не могли молчать.

Радикализм этого всецелого отторжения экономической науки был вскоре превзойден еще более универсальным нигилизмом. С незапамятных времен люди, думая, говоря и действуя, принимали единообразие и неизменность логической структуры человеческого разума как бесспорный факт. На этой предпосылке строились все научные исследования. В полемике об эпистемологическом характере экономической науки впервые в человеческой истории отрицалось и это утверждение. Согласно марксизму мышление человека определяется его классовой принадлежностью. Каждый общественный класс имеет свою логику. Продукт мысли не может быть не чем иным, как «идеологической маскировкой» эгоистических классовых интересов автора. Именно разоблачение философских

и научных теорий и демонстрация их «идеологической» бессодержательности является задачей «социологии знания»¹⁸¹. Экономическая наука — это «буржуазный» паллиатив, а экономисты — «сикофанты» капитала¹⁹¹. Только бесклассовое общество социалистической утопии заменит правдой «идеологическую» ложь.

Позднее этот полилогизм преподносился в различных вариантах. Например, согласно историзму логическая структура человеческого мышления претерпевает изменения в ходе исторической эволюции. Расистский полилогизм приписывает свою логику каждой расе. Наконец, в соответствии с иррационализмом разум как таковой не объясняет определяющие человеческое поведение иррациональные силы.

Эти доктрины выходят далеко за границы экономической науки. Они ставят под сомнение не только экономическую теорию и праксеологию, но и все остальное знание и человеческие рассуждения в целом. Математики и физики это касается в той же мере, что и экономической теории. Поэтому создается впечатление, что задача их опровержения не относится к какой-либо одной ветви знаний, а является функцией эпистемологии и философии. Это служит достаточным основанием для позиции той части экономистов, которые спокойно продолжают свои исследования, не беспокоясь об эпистемологических проблемах и возражениях полилогизма и иррационализма. Физик ведь не обращает внимание, если кто-то клеймит его теорию как буржуазную, западную или еврейскую. Точно так же и экономист должен игнорировать клевету и злословие. Собака лает — караван идет; и не стоит обращать внимание на этот лай. Необходимо помнить изречение Спинозы: «Как свет обнаруживает и себя самого, и окружающую тьму, так истина есть мерило и самой себя, и лжи»¹¹⁰¹.

Однако ситуация в экономической науке отличается от математики и естественных наук. Полилогизм и иррационализм атакуют праксеологию и экономическую теорию. И хотя они формулируют свои утверждения в общем виде применительно ко всем отраслям знания, в действительности имеются в виду именно науки о человеческой деятельности. Полилогизм и иррационализм называют иллюзией уверенности в том, что полученные результаты научных исследований могут быть действительными для людей всех эпох, рас и общественных классов, и находят удовольствие в поношении некоторых физических и биологических теорий как буржуазных или западных. Но они забывают о своей критике, если решение практических проблем требует применения этих заклеянных доктрин. В технологиях в Советской России без колебаний используются все достижения буржуазной физики, химии и биологии, как если бы они имели силу для всех классов. Нацистские инженеры не считали ниже своего достоинства использовать теории, открытия и изобретения представителей «низших» рас и национальностей. Поведение людей всех рас, наций, религий, лингвистических групп, общественных классов не подтверждает доктрин полилогизма и иррационализма в отношении логики, математики и естественных наук.

Но праксеология и экономическая наука — совсем другое дело. Основной мотив развития теорий полилогизма, историцизма и иррационализма — оправдание пренебрежения учениями экономистов при определении экономической политики. Попытки социалистов, расистов, националистов и этатистов опровергнуть теории экономистов и продемонстрировать правильность собственных ложных доктрин провалились. Именно этот крах заставил их отрицать логические и эпистемологические принципы, на которых основаны и повседневная деятельность, и научные исследования.

Но нельзя отвергать эти возражения просто на основе осуждения политических мотивов, инспирировавших их возникновение. Ни один ученый не имеет права заранее предполагать, что осуждение его теорий неосновательно, лишь потому, что критика пропитана страстью и партийными предубеждениями. Он обязан ответить на каждое замечание независимо от скрытых мотивов их происхождения. Недопустимо также хранить молчание, сталкиваясь с часто звучащим мнением, что теоремы экономической науки действительны только при условии выполнения гипотетических допущений, никогда не реализующихся на практике, и потому бесполезны для мысленного понимания реальности. Странно, что некоторые школы похоже одобряют это мнение, но, несмотря на это, безмятежно продолжают рисовать свои кривые и формулировать уравнения. Они не беспокоятся о смысле своих рассуждений и об их отношении к миру реальной жизни и деятельности.

Эта позиция, конечно же, несостоятельна. Первая задача любого научного исследования — исчерпывающее описание и определение всех условий и допущений, при которых разнообразные утверждения претендуют на обоснованность. Ошибочно принимать физику в качестве модели и образца для экономической науки. Но те, кто совершает эту ошибку, должны усвоить хотя бы одну вещь — ни один физик никогда не считал, что прояснение некоторых допущений и условий физических теорем находится за пределами предмета физических исследований. Основной вопрос, на который экономическая наука должна дать ответ: как ее утверждения соотносятся с реальностью человеческой деятельности, мысленное понимание которой является целью экономических исследований?

Поэтому тщательное рассмотрение утверждения о том, что учения экономической науки действительны лишь для капиталистической системы в течение короткого и уже закончившегося либерального периода, переходит в ведение экономической теории. И долг именно экономической науки, а не какой-либо другой области знаний рассмотреть все возражения, выдвигаемые с разных точек зрения против полезности утверждений экономической теории для прояснения проблем человеческой деятельности. Система экономической мысли должна быть построена таким образом, чтобы быть защищенной от любой критики со стороны иррационализма, историцизма, панфизикализма, бихевиоризма и любых разновидностей полилогизма. Положение, когда эко-

номисты делают вид, что игнорируют ежедневно выдвигаемые аргументы, демонстрирующие абсурдность и бесполезность построений экономической науки, нетерпимо.

Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры. Теорию каталлактики необходимо выстроить на твердом фундаменте общей теории человеческой деятельности — праксеологии. Это не только защитит ее от необоснованной критики, но и прояснит многие проблемы, до сих пор даже адекватно не поставленные, не говоря уже об удовлетворительном решении. К их числу принадлежит фундаментальная проблема экономического расчета.

3. Экономическая теория и практика человеческой деятельности

Многие привыкли обвинять экономическую науку в отсталости. Что ж, совершенство нашей экономической теории вполне очевидно. В человеческом знании нет состояния совершенства, как нет его и у других человеческих достижений. Человек лишен всеведения. Самые совершенные теории, на первый взгляд удовлетворяющие нашу жажду знаний, однажды исправляются или заменяются новыми. Наука не дает абсолютной и окончательной определенности. Она дает лишь некоторую долю уверенности в границах наших умственных способностей и существующего состояния научного знания. Научная система — лишь полустанок на бесконечном пути поиска знаний. Она неизбежно поражена недостаточностью, присущей любым человеческим усилиям. Но признание этих фактов не означает отсталости современной экономической науки. Просто экономическая наука — живое образование. А жизнь подразумевает несовершенство и изменения.

Упреки в мнимой отсталости выдвигаются в отношении экономической теории с двух точек зрения.

С одной стороны, некоторые натуралисты и физики порицают экономическую теорию за то, что она не является естественной наукой и не применяет лабораторных методов и процедур. Одной из задач данного трактата как раз и является разоблачение ложности таких идей. В этих вводных замечаниях, наверное, достаточно будет сказать несколько слов об их психологической подоплеке. Узкомыслящие люди обычно подвергают сомнению все, что отличает других людей от них самих. Верблюд из басни возражает против любых животных, не имеющих горба, руританцы критикуют лапутанцев за то, что те не руританцы. Исследователь в лаборатории считает ее единственно достойным местом для исследований, а дифференциальные уравнения — единственно правильным способом выражения результатов научной мысли. Он просто не способен увидеть эпистемологические проблемы человеческой деятельности. Для него экономическая наука не может быть не чем иным, как разновидностью механики.

Существуют люди, которые утверждают: что-то не так в социальных науках, поскольку социальные условия неудовлетворительны. За последние два-три столетия естественные науки достигли удивительных результатов. Их практическое использование подняло общий уровень жизни на небывалую высоту. Но, как говорят эти критики, социальные науки не сделали для этого ничего. Они не уничтожили нищету и голод, кризисы и безработицу, войну и тиранию. Они бесплодны и не сделали ничего, что бы способствовало счастью и благосостоянию людей.

Эти ворчуны не понимают, что потрясающий прогресс технологий производства и проистекающее из этого увеличение богатства и благосостояния стали возможны только благодаря следованию либеральной экономической политике, которая представляла собой применение экономических учений на практике. Именно идеи экономистов классической школы ликвидировали помехи, создаваемые вековыми законами, обычаями и предубеждениями в отношении технологических улучшений и освободили гений реформаторов и новаторов от смиренных рубашек гильдий, опеки правительства и разнообразного общественного давления. Именно они понизили престиж завоевателей и экспроприаторов и продемонстрировали пользу деловой активности для общества. Ни одно из современных великих изобретений нельзя было бы использовать, если бы экономисты не разрушили до основания ментальность докапиталистической эпохи. То, что обычно называют Промышленной революцией^[11], является продуктом идеологической революции, вызванной учениями экономистов. Экономисты разбили старые оковы: что нечестно и несправедливо одолеть конкурента, производя товары дешевле и качественнее; нельзя отказываться от традиционных методов производства; машины — зло, потому что приводят к безработице; одной из задач гражданского правительства является не допускать обогащения способных бизнесменов и защищать менее способных от конкуренции более способных; ограничение свободы предпринимателей с помощью государственного сдерживания или принуждения со стороны других общественных сил является средством для обеспечения благополучия нации. Локомотивами современного капитализма были британская политическая экономия и французская физиократия^[12]. Именно они сделали возможным развитие прикладных^{#2} естественных наук на благо широких масс.

Что неладно с нашей эпохой, так это как раз широко распространенное введение о той роли принципов экономической свободы, которую они сыграли в технологическом^{#3} развитии за последние 200 лет. Многие ошибочно полагают, что улучшение методов производства совпало с политикой *laissez faire*^[13] только благодаря случаю. Введенные в заблуждение марксистскими мифами, они считают современный индустриализм результатом действия мистических «производительных сил», которые ни в коей мере не зависят от идеологических факторов. Классическая политэкономия, по их мнению, была не фактором подъ-

ема капитализма, а скорее продуктом, его «идеологической надстройкой», т.е. доктриной, направленной на защиту несправедливых требований капиталистических эксплуататоров. Следовательно, уничтожение капитализма и замена рыночной экономики и частного предпринимательства социалистическим тоталитаризмом не помешают дальнейшему развитию технологии. Наоборот, это будет способствовать внедрению технологических усовершенствований, устранив с их пути препятствия, воздвигаемые эгоистическими интересами капиталистов.

Характерной чертой эпохи разрушительных войн и дезинтеграции был бунт против экономической теории. Томас Карлейль окрестил ее «мрачной наукой»^[4], а Карл Маркс заклеил экономистов как «сикофантов буржуазии»^[9]. Шарлатаны, расхваливающие собственные рецепты построения рая на земле, находят удовольствие в поношении экономической науки как «ортодоксальной» и «реакционной». Демагоги гордятся тем, что они называют победой над экономической наукой. «Практичный» человек бравирует своим пренебрежением к теории и безразличием к учениям «кабинетных» экономистов. Экономическая политика последних десятилетий — результат умонастроений тех, кто всеми способами издевается над последовательно логичной экономической теорией и возвышает ложные доктрины ее клеветников. В большинстве стран то, что называется «ортодоксальной» экономической теорией, изгнано из университетов и фактически неизвестно ведущим государственным деятелям, политикам и ученым. Но нельзя вину за неудовлетворительное экономическое положение возлагать на науку, которую и правители, и массы презирают и игнорируют.

Необходимо подчеркнуть, что судьбы современной цивилизации, построенной белыми народами за последние 200 лет, неразрывными узами связаны с судьбой экономической науки. Эта цивилизация стала возможной потому, что людьми владели идеи, бывшие приложением экономических теорий к проблемам экономической политики. Но она неизбежно погибнет, если государства будут и дальше следовать курсу, на который они свернули под влиянием теорий, отвергающих экономическое мышление.

Следует признать, что экономическая наука — наука теоретическая и в этом качестве воздерживается от любых ценностных суждений. В ее задачи не входит предписывать людям цели, к которым тем следует стремиться. Это наука о средствах, которые будут использованы для достижения избранных целей, но, безусловно, не наука выбора целей. Окончательные решения, оценки и целеполагание находятся вне рамок любой науки. Наука никогда не скажет человеку как ему следует поступать; она просто демонстрирует, как человек должен действовать, чтобы добиться конкретных результатов.

Многим кажется, что этого абсолютно недостаточно, и от науки, ограниченной исследованием того, что есть, и не способной дать оценку высших и конечных целей, мало прока для жизни и деятельности. И это тоже ошибка. Однако

демонстрация ошибочности данного утверждения не входит в задачи данных вводных замечаний. Это одна из целей всего трактата в целом.

4. Резюме

Предварительные замечания были необходимы, чтобы пояснить, почему этот трактат помещает экономические проблемы в широкий контекст общей теории человеческой деятельности. На нынешнем этапе развития экономической мысли и политических дискуссий, касающихся фундаментальных вопросов общественного устройства, невозможно и далее изолировать исследование собственно каталлактических проблем. Эти проблемы являются частью общей науки о человеческой деятельности и требуют соответствующего отношения.

Часть первая

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

---

1. ДЕЙСТВУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

1. Целенаправленное действие и животная реакция

Человеческая деятельность есть целенаправленное поведение. Можно сказать и иначе: деятельность есть воля, приведенная в движение и трансформированная в силу; стремление к цели; осмысленная реакция субъекта на раздражение и условия среды; сознательное приспособление человека к состоянию Вселенной, которая определяет его жизнь. Эти уточнения должны прояснить данное определение и предотвратить возможность неверных интерпретаций. Но само определение является точным и не нуждается в дополнениях и комментариях.

Сознательное, или целенаправленное, поведение резко контрастирует с бессознательным поведением, т.е. с рефлексам и произвольными реакциями на раздражение клеток тела и нервов. Порой люди готовы полагать, что границы между сознательным поведением и произвольными реакциями человеческого тела являются более или менее неопределенными. Это верно лишь постольку, поскольку порой не так просто установить, является конкретное поведение умышленным или произвольным. Тем не менее различие между сознательным и бессознательным достаточно резкое и может быть четко установлено.

Для действующего эго^[15] бессознательная реакция органов тела и клеток — такая же данность, как и остальные явления внешнего мира. Действующий че-

ловек должен принимать во внимание все, что происходит в его теле, точно так же, как и другие факторы, например погоду или отношение своих соседей. Разумеется, в определенных пределах целенаправленное поведение способно нейтрализовать действие телесных сил и в этих границах поставить тело под контроль. Иногда человеку удается усилием воли одолеть болезнь, компенсировать врожденные или приобретенные недостатки физической конституции или подавить рефлекс. В той мере, в какой это является возможным, поле целенаправленной деятельности расширяется. Если человек воздерживается от управления произвольными реакциями клеток и нервных центров, хотя в силах это сделать, его поведение, с нашей точки зрения, является целенаправленным.

Область нашей науки — человеческая деятельность, а не психологические события, которые ведут к действию. Именно это отличает общую теорию человеческой деятельности, праксеологию, от психологии. Предмет психологии — внутренние события, которые приводят или могут привести к определенной деятельности. Предмет праксеологии — деятельность как таковая. Это также определяет отношение праксеологии к психоаналитической концепции подсознательного. Психоанализ^[16] — тоже психология и исследует не деятельность, а силы и факторы, которые побуждают человека к определенной деятельности. Психоаналитическое подсознательное является психологической, а не праксеологической категорией. На природу деятельности не влияет, будут ли причинами действия явное обдумывание, забытые воспоминания или подавленные желания, направляющие волю, с так называемых затопленных областей. И убийца, которого подсознательные побуждения толкают на преступление, и невротик, чье отклоняющееся поведение кажется бессмысленным для неподготовленного наблюдателя, оба действуют; они, как и любой другой человек, стремятся достичь определенных целей. И заслуга психоанализа как раз в том и состоит, что он показал, насколько многозначительным является даже поведение невротиков и психопатов, что они тоже ведут себя целенаправленно, хотя мы, считающие себя нормальными и здравомыслящими, называем рассуждения, определяющие их выбор целей, бессмысленными, а выбираемые ими средства достижения этих целей — противоречащими намерениям.

Термин «бессознательный» в праксеологии и термины «подсознательный» и «бессознательный»^{#4}, применяемые в психоанализе, принадлежат к двум разным направлениям мысли и исследований. Практиология не менее других отраслей знания многим обязана психоанализу. Тогда тем более необходимо осознать границу, которая отделяет праксеологию от психоанализа.

Действие — это не просто отдавание предпочтения. Человек демонстрирует предпочтение в том числе и в ситуациях, когда события являются неизбежными или считаются таковыми. Так, человек может предпочитать солнце дождю и желать, чтобы солнце разогнало тучи. Желая и надеясь, он активно не вмешивается в ход событий и формирование собственной судьбы. Но действующий человек выбирает, определяет и пытается достичь целей. Из двух вещей, которые нельзя

получить одновременно, он отбирает одну и отказывается от другой. Поэтому действие подразумевает и принятие, и отказ.

Выражение желаний и надежд и объявление планируемых действий может быть формой действия в той мере, в какой они сами по себе направлены на достижение определенной цели. Но их нельзя смешивать с действиями, к которым они относятся. Они не тождественны действиям, о которых они извещают, которые рекомендуют или отвергают. Действие — вещь реальная. В расчет берется общее поведение человека, а не его разговоры о планировавшихся, но не реализованных поступках. С другой стороны, действие следует отличать от приложения труда. Как правило, одним из используемых средств является труд действующего человека. Но это необязательно. В особых условиях достаточно лишь слова. Тот, кто отдает приказы и устанавливает запреты, может действовать без затрат труда. Говорить или не говорить, улыбаться или оставаться серьезным — все это может быть действием. Потребление и наслаждение являются такими же действиями, что и воздержание от доступного потребления и наслаждения.

Следовательно, праксеология не делает различий между «активным», или энергичным, и «пассивным», или праздным, человеком. Энергичный человек, усердно стремящийся улучшить свое положение, действует не больше и не меньше, чем апатичный человек, инертно принимающий события по мере их свершения. Поскольку ничегонеделание и пребывание в праздности также являются деятельностью, они тоже определяют ход событий. Там, где присутствуют условия для человеческого вмешательства, человек действует вне зависимости от того, вмешивается он или воздерживается от вмешательства. Тот, кто терпит то, что он в силах изменить, действует в такой же степени, что и тот, кто вмешивается с целью добиться других результатов. Человек, воздерживающийся от оказания влияния на воздействие психологических и инстинктивных факторов, на которые он способен повлиять, также действует. Действие — это не только делание, но и в не меньшей степени неделание того, что, возможно, могло бы быть сделано.

Мы можем сказать, что действие — это проявление человеческой воли. Но это ничего не добавит к нашему знанию. Потому что термин *воля* означает не что иное, как способность человека выбирать между различными состояниями дел, предпочитать одно, отвергать другое и вести себя в соответствии с решениями, принятыми для реализации избранных состояний и отказа от остальных.

2. Предпосылки человеческого действия

Состояние человека, которое не ведет и не может привести ни к какому действию, мы называем удовлетворенностью или удовлетворением. Действующий человек стремится исправить неудовлетворительное состояние дел и достичь более удовлетворительного. Он представляет себе условия, которые лучше подходят ему, а его деятельность направлена на то, чтобы осуществить желаемое

состояние. Стимулом, побуждающим человека действовать, всегда является некоторое беспокойство¹. У человека, полностью удовлетворенного состоянием своих дел, не будет стимулов к переменам. У него не будет ни желаний, ни вожелений; он будет абсолютно счастлив. Он не будет действовать, а просто станет беззаботно жить.

Но чтобы заставить человека действовать, простого беспокойства и образа более удовлетворительного состояния недостаточно. Необходимо третье условие: ожидание, что целенаправленное поведение способно устранить или по крайней мере смягчить ощущение беспокойства. Если это условие не выполняется, то никакое действие невозможно. Человек должен смириться с неизбежностью. Он должен покориться судьбе.

Это общие условия человеческой деятельности. Человек есть существо, которое живет в данных обстоятельствах. Он не только *homo sapiens*, но и в не меньшей степени *homo agens*. Существо человеческого происхождения, от рождения или в результате приобретенных недостатков окончательно не способное ни к какому действию (в строгом смысле этого термина, а не только в юридическом), практически не является человеком. Хотя закон и биология считают их людьми, они лишены необходимого признака человеческой природы. Новорожденный младенец также не является действующим существом. Он еще не прошел весь путь от зачатия до полного развития своих человеческих качеств. Но в конце этой эволюции он становится действующим существом.

О счастье

В разговорной речи мы называем человека, которому удалось добиться своих целей, «счастливым». Точнее будет сказать, что он более счастлив, чем раньше. Тем не менее не существует веских возражений против определения человеческой деятельности как стремления к счастью.

Однако необходимо избегать некоторых ошибочных толкований. Конечной целью человеческой деятельности всегда является удовлетворение желаний действующего человека. Кроме индивидуальных ценностных суждений, неодинаковых у разных людей и у одного и того же человека в разные периоды жизни, другого мерил удовлетворения не существует. То, что заставляет человека чувствовать себя беспокойно, устанавливается им самим исходя из его собственных желаний и суждений, личных и субъективных оценок. Никто не в состоянии декретировать, что должно сделать другого человека счастливее.

Чтобы установить этот факт, нет никакой необходимости обращаться к противоположности эгоизма и альтруизма, материализма и идеализма, индиви-

---

¹ См.: Locke. An Essay Concerning Human Understanding / ed. Fraser. Oxford, 1894. V. I. P. 331–333⁽¹⁾; Leibniz. Nouveaux essais sur l'entendement humain / ed. Flammarion. P. 119⁽²⁾.

дуализма и коллективизма, атеизма и религии. Одни стремятся улучшить свое собственное положение. У других осознание неприятностей и затруднений ближнего вызывает такое же и даже большее беспокойство, чем собственные нужды. Одни не стремятся ни к чему, кроме удовлетворения своих потребностей в половых отношениях, еде, питье, хорошем доме и других материальных благ. Другие же заботятся об удовлетворении, как принято говорить, «высших» или «идеальных» удовольствий. Некоторые пытаются привести свои действия в соответствие с требованиями общественного сотрудничества; другие игнорируют правила общественной жизни. Есть люди, для которых конечной целью земного пути является подготовка к блаженной жизни. Но существуют и другие — те, кто не верит ни в какие религиозные учения и не позволяет своим действиям находиться под их влиянием.

Для праксеологии конечные цели деятельности безразличны. Ее выводы действительны для любого вида деятельности, невзирая на преследуемые при этом цели. Это наука о средствах, а не о целях. Она использует понятие счастья чисто в формальном смысле. В терминах праксеологии утверждение «Единственная цель человека — достижение счастья» тавтологично. В нем не подразумевается никакого утверждения о положении дел, от которого человек ожидает счастья.

Идея о том, что стимулом человеческой активности всегда служит некоторое беспокойство, а ее цель всегда состоит в смягчении, насколько возможно, этого беспокойства, чтобы заставить действующего человека чувствовать себя счастливее, составляет суть учений эвдемонизма и гедонизма^[17]. Эпикурейское $\acute{\alpha}\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\xi\{\alpha\}$ ^[18] есть состояние абсолютного счастья и удовлетворенности, на которое направлена вся человеческая активность, но недостижимое в полной мере. Несмотря на все великолепие этого знания, оно остается малопригодным, так как представителям этой философии не удалось осознать формального значения понятий *боль* и *удовольствие* и они придавали им материальный или чувственный смысл. Теологические, мистические и другие школы гетерономной этики^[19] не поколебали фундамент эпикурейства, поскольку не смогли выдвинуть никаких возражений, кроме игнорирования им «высших» и «благородных» удовольствий. Действительно, сочинения многих ранних поборников эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма открыты для неверного толкования. Но язык современных философов и в еще большей степени экономистов настолько точен и прямолинеен, что не допускает ошибочного толкования.

Об инстинктах и импульсах

Фундаментальные проблемы человеческой деятельности невозможно разрабатывать методами инстинкт-социологии. Эта школа классифицирует разнообразные цели человеческой деятельности и в качестве мотива присваивает каждому классу особый инстинкт. Человек представляется как существо, управляемое врожденными инстинктами и склонностями. Предполагается, что такое

объяснение раз и навсегда разрушает все ненавистные учения экономической науки и утилитаристской этики. Однако Фейербах как-то справедливо заметил, что любой инстинкт — это инстинкт к счастью². Метод инстинкт-психологии и инстинкт-социологии состоит в произвольном классифицировании непосредственных целей деятельности и наделении каждой из них самостоятельным бытием. Там, где праксеология говорит, что цель деятельности состоит в смягчении некоторого беспокойства, инстинкт-психология гласит, что это удовлетворение инстинктивного побуждения.

Многие поборники инстинктивной школы убеждены, что они доказали: действие не детерминировано разумом, а исходит из глубин врожденных сил, побуждений, инстинктов и склонностей, которые не поддаются рациональному объяснению. Уверенные в том, что им удалось разоблачить поверхностность рационализма, они третируют экономическую теорию как «паутину ложных заключений, выведенных из ложных психологических посылок»³. Рационализм, праксеология и экономическая наука не рассматривают изначальные побудительные причины и цели деятельности, а изучают средства, применяемые для достижения преследуемых целей. Несмотря на непостижимость глубины, из которой появляются побуждения и инстинкты, средства, выбираемые человеком для их удовлетворения, определяются рациональным рассмотрением затрат и успеха⁴.

Тот, кто действует под влиянием эмоциональных импульсов, тоже действует. Отличие эмоционального действия от других действий заключается в оценке затрат и результатов. Эмоции искажают оценочную функцию. Человек, сжигаемый страстью, видит цель более желанной, а цену, которую он должен заплатить, менее обременительной, чем ему бы это показалось, если бы он действовал более хладнокровно. Люди никогда не сомневались, что и в эмоциональном возбуждении средства и цели взвешиваются, поэтому необходимо оказывать влияние на результаты этого обдумывания, вынося более суровый приговор за то, что человек поддался порыву страсти. Наказывать за уголовные преступления, совершенные в состоянии эмоционального возбуждения или опьянения, мягче других равносильно поощрению таких эксцессов. Угроза сурового возмездия срабатывает, даже если люди движимы страстью, кажущейся неодолимой.

Мы интерпретируем животное поведение исходя из предположения, что животные поддаются тем побуждениям, которые в данный момент оказались сильнее. Когда мы видим, что животные едят, спариваются и нападают на других животных или человека, мы говорим об инстинктах питания, размножения

² См.: *Feuerbach. Sämmtliche Werke* / ed. Bolin and Jodl. Stuttgart, 1907. Bd. X. S. 231.⁽³⁾

³ См.: *McDougall W. An Introduction to Social Psychology*. 14th ed. Boston, 1921. P. 11.

⁴ См.: *Mises. Epistemological Problems of Economics*. Trans. by G. Reisman. New York, 1960. P. 52 ff.⁽⁴⁾. #5

и агрессивности. Мы считаем, что такие инстинкты являются врожденными и требуют безусловного удовлетворения.

Но у человека все иначе. Человек не является существом, которое не способно не поддаться импульсу, наиболее настойчиво требующему удовлетворения. Человек — это существо, способное контролировать свои инстинкты, эмоции и побуждения; он способен дать рациональное объяснение своему поведению. Человек отказывается от удовлетворения сжигающих его импульсов в пользу удовлетворения других желаний. Он не является игрушкой своих инстинктивных потребностей. Мужчина не насилует любую женщину, которая будоражит его чувства. Человек не пожирает любую пищу, которая его манит; он не сбивает с ног любого, кого хотел бы убить. Он упорядочивает свои желания и стремления в шкалу, он выбирает; короче говоря, он действует. В отличие от животных человек обдуманно регулирует свое поведение. Человек — существо, имеющее запреты, способное обуздывать свои побуждения и желания, подавлять инстинктивные желания и побуждения.

Может статься, что импульс будет столь сильным, что никакие неприятности, связанные с его реализацией, не смогут удержать индивида от его удовлетворения. И в этом случае выбор имеет место. Человек решает уступить желанию⁵.

3. Человеческое действие как конечная данность

С незапамятных времен люди стремятся найти перводвигатель, причину всего сущего и всех изменений, изначальную субстанцию, из которой все произошло и которая является причиной самой себя. Притязания науки скромнее. Она осознает ограниченность человеческого разума и человеческих поисков знания. Пытаясь узнать причину любого явления, наука понимает, что в конце концов натолкнется на непреодолимые препятствия. Существуют такие явления, которые не могут быть проанализированы и сведены к другим явлениям. Они представляют собой конечную данность. В ходе научных изысканий иногда удается показать, что нечто, считавшееся до этого конечной данностью, можно расчленить на составные части. Но всегда будет существовать определенное количество нерасчленимых и неанализируемых явлений, определенное количество конечных данностей.

Монизм учит, что существует всего одна первоначальная субстанция, дуализм утверждает, что две, а плюрализм — что их много. Но об этих проблемах не стоит спорить. Подобные метафизические диспуты бесконечны. Современное состояние нашего знания не позволяет дать ответ, который устроил бы всех разумных людей.

---

⁵ В этих случаях огромную роль играет тот факт, что данные два удовлетворения — ожидаемое от уступки побуждению и от избежания нежелательных последствий этого — не одновременно (см. с. 447–458).

Материалистический монизм утверждает, что человеческие мысли и волевые акты являются результатом действия органов тела, клеток мозга и нервов. Человеческая мысль, воля и действие вызываются исключительно материальными процессами, которые когда-нибудь получат исчерпывающее объяснение на основе физических и химических исследований. Это также является метафизической гипотезой, хотя сторонники и считают ее непоколебимой и неопровержимой истиной.

Для объяснения связи разума и тела выдвинуто множество теорий. Но это все предположения и догадки без ссылок на наблюдаемые факты. Определенно можно сказать только то, что между психическими и физиологическими процессами существует взаимосвязь. Относительно природы и функционирования этих связей если мы что-то и знаем, то очень мало.

Конкретные ценностные суждения и отдельные человеческие действия не поддаются дальнейшему анализу. Вполне можно предполагать или считать, что они полностью зависят или обусловлены своими причинами. Но пока мы не узнаем, какие внешние факторы — физические или физиологические — вызывают в человеческом мозгу конкретные мысли и желания, приводящие к соответствующим действиям, мы будем сталкиваться с непреодолимым *методологическим дуализмом*. На современном этапе развития знания позитивизм, монизм и панфизикализм — просто методологические постулаты, лишённые всякого научного основания, бессмысленные и бесполезные для научного исследования. Разум и опыт демонстрируют нам две обособленные реальности: внешний мир физических, химических и физиологических явлений и внутренний мир мыслей, чувств, оценок и целенаправленных действий. И никакие мостики — насколько мы можем судить сегодня — не соединяют эти два мира. Одинаковые внешние события иногда приводят к разным человеческим реакциям; в то же время разные внешние события иногда вызывают одинаковые человеческие реакции. И мы не знаем почему.

Это заставляет нас прокомментировать некоторые наиболее существенные положения монизма и материализма. Мы можем верить или не верить в то, что естественным наукам удастся однажды объяснить производство конкретных идей, ценностных суждений и действий подобно тому, как они объясняют получение химического соединения как необходимый и неизбежный результат определенной комбинации элементов. А до тех пор мы вынуждены придерживаться методологического дуализма.

Человеческая деятельность — одно из средств осуществления изменений. Она — элемент космической активности и становления. Поэтому она является законным объектом научного исследования. Так как ее невозможно (по крайней мере в современных условиях) свести к ее причинам, она должна рассматриваться как конечная данность и изучаться как таковая.

Конечно, изменения, вызываемые человеческой деятельностью, незначительны в сравнении с действием великих космических сил. С точки зрения веч-

ности и бесконечной Вселенной человек — бесконечно малая песчинка. Но для самого человека деятельность вполне реальна. Деятельность — суть его природы и существования, средство сохранения жизни и возвышения над уровнем развития животных и растений. Несмотря на бренность и мимолетность жизни, человеческие усилия имеют первостепенное значение для человека и его науки.

4. Рациональность и иррациональность, субъективизм и объективность праксеологических исследований

Человеческая деятельность с необходимостью всегда рациональна. Поэтому понятие «рациональная деятельность» избыточно и как таковое должно быть отброшено. В приложении к конечным целям деятельности понятия «рациональный» и «иррациональный» неуместны и бессмысленны. Конечная цель деятельности всегда состоит в удовлетворении определенных желаний действующего человека. Поскольку никто не в состоянии заменить своими собственными ценностными суждениями ценностные суждения действующего субъекта, выносить суждения о целях и желаниях других людей бесполезно. Никто не имеет права объявлять, что сделает другого человека счастливее или менее неудовлетворенным. Критик или говорит нам, к чему, как он считает, он бы стремился, если бы был на месте другого, или с диктаторской самонадеянностью беспечно распоряжается желаниями и устремлениями другого человека, заявляя, какие обстоятельства этого другого человека больше подходят ему, критику.

Если деятельность направлена на достижение «идеального» или «высшего» удовлетворения в ущерб «материальным» и осязаемым выгодам, ее обычно называют иррациональной. В этом случае говорят, например (иногда одобрительно, иногда с осуждением), что человек, жертвующий жизнью, здоровьем, богатством во имя «высших» благ — преданности религиозным, философским и политическим убеждениям или свободе и процветанию своего народа, — движим иррациональными соображениями. Однако стремление к подобным высшим целям не более и не менее рационально или иррационально, чем стремление к другим человеческим целям. Ошибочно полагать, что удовлетворение первичных жизненных потребностей более рационально, естественно или оправданно, чем стремление к другим вещам и удовольствиям. Следует признать, что потребности в пище и тепле объединяют человека с другими млекопитающими, и, как правило, люди, которым недостает пищи и крова, сосредоточивают свои усилия на удовлетворении этих насущных потребностей, мало заботясь о других вещах. Влечение к жизни, т.е. сохранение собственной жизни и использование любой возможности для активизации своих жизненных сил, является основным признаком жизни и присутствует в каждом живом существе. Но для человека подчинение этому инстинкту не является неизбежной необходимостью.

В то время как животные безусловно подчиняются влечению к сохранению жизни и влечению к размножению, во власти человека справиться даже с этими влечениями. Он может управлять и сексуальными желаниями, и тягой к жизни. Человек может отказаться от жизни, если условия ее сохранения кажутся ему неприемлемыми. Человек способен умереть ради чего-то или закончить жизнь самоубийством. Жизнь для человека — результат выбора, ценностного суждения.

То же самое относится и к желанию жить в достатке. Само существование аскетов и тех, кто отказывается от материальных выгод ради верности своим убеждениям и сохранения чувства собственного достоинства и самоуважения, служит доказательством того, что стремление к более осязаемым удовольствиям не является неизбежным, а, напротив, есть результат выбора. Разумеется, подавляющее большинство предпочитает жизнь смерти и богатство бедности.

Безосновательно считать «естественным» и потому «рациональным» лишь удовлетворение физиологических потребностей, а все остальное «искусственным» и потому «иррациональным». Именно тот факт, что человек в отличие от животных занят поисками не только пищи, крова и сексуальных партнеров, но и других видов удовлетворения, и составляет характерную черту человеческой природы. Человек имеет специфические человеческие желания и потребности, которые можно назвать «более высокими», чем потребности, свойственные также другим млекопитающим⁶.

Применительно к средствам, избираемым для достижения целей, понятия рационального и иррационального подразумевают оценку целесообразности и адекватности применяемых процедур. Критик одобряет или не одобряет избранный метод с точки зрения его соответствия рассматриваемым целям. Человеческий разум не отличается непогрешимостью, и человеку часто свойственно ошибаться в выборе и применении средств. Деятельность, не соответствующая цели, не оправдывает ожиданий. Она противоречит намерениям, но тем не менее рациональна, т.е. результат разумного — пусть и ошибочного — обдумывания и представляет собой попытку — хоть и неудачную — достичь определенной цели. Врачи, сто лет назад применявшие определенные приемы для лечения рака, от которых отказалась современная медицина, были с точки зрения сегодняшнего дня плохо информированы и потому неэффективны. Но они не действовали иррационально; они делали все, что было в их силах. Возможно, еще через сто лет в распоряжении врачей окажутся более эффективные методы лечения этого заболевания. Эти врачи будут более эффективными, но не более рациональными, чем наши врачи.

Противоположность деятельности — не *иррациональное поведение*, а реактивная реакция органов тела и инстинктов, которая не может контролироваться

---

⁶ Об ошибках, содержащихся в железном законе заработной платы см. с. 563 и сл.; о неверном понимании мальтузианской теории см. с. 625–631.

волевыми актами человека. При определенных условиях на одно и то же раздражение человек может отвечать как реактивной реакцией, так и действием. Если человек отравлен ядом, его органы реагируют включением защитных сил; дополнительно может вмешаться действие, применив противоядие.

По отношению к проблеме, связанной с противопоставлением рационального и иррационального, между естественными и общественными науками не существует различий. Наука всегда должна быть рациональной. Наука — это попытка достичь мысленного понимания путем систематического упорядочивания всего имеющегося знания. Но, как было сказано выше, разложение объектов на составные элементы рано или поздно неизбежно достигает предела, дальше которого не может продолжаться. Человеческий разум даже не может представить род знания, не ограниченного конечной данностью, недоступной для дальнейшего анализа и сведения. Научный метод, который доводит разум до этой точки, абсолютно рационален. Конечную данность можно назвать иррациональным фактом.

Сейчас становится модным бранить общественные науки за беспримесный рационализм. Самыми популярными упреками, выдвигаемыми против экономической науки, являются игнорирование иррациональности жизни и реальности и попытки втиснуть бесконечное разнообразие явлений в сухие рациональные схемы и тощие абстракции. Более абсурдных обвинений невозможно представить. Как и любая другая отрасль науки, экономическая теория может развиваться только до тех пределов, где действуют рациональные методы. Затем она останавливается, обнаружив, что натолкнулась на конечную данность, т.е. явление, которое не может (по крайней мере на современном этапе развития знания) быть подвергнуто дальнейшему анализу⁷.

Учения праксеологии и экономической теории действительно для любой человеческой деятельности безотносительно к лежащим в ее основе мотивам, причинам и целям. Для любого вида научного исследования первичные ценностные суждения и первичные цели человеческой деятельности заданы, они недоступны для дальнейшего анализа. Праксеология занимается методами и средствами, выбираемыми для достижения таких первичных целей. Ее предмет — средства, а не цели.

В этом смысле мы говорим о субъективизме общей науки о человеческой деятельности. Она принимает первичные цели действующего человека в качестве исходных данных, оставаясь нейтральной по отношению к ним, и воздерживается от вынесения ценностных суждений. Единственная норма, которую она применяет, — соответствие избранных средств преследуемым целям. Когда эвдемонизм говорит «счастье», когда утилитаризм^[20] и экономическая наука говорят «полезность», мы должны истолковывать эти понятия с субъективной

---

⁷ Ниже мы увидим (с. 49–58) как с конечной данностью обращаются эмпирические социальные науки.

точки зрения как то, к чему стремится действующий человек, потому что в его глазах это желательно. Именно в этом формализме заключается прогрессивность современного смысла эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма в противоположность старому материальному значению, а также прогрессивность субъективистской теории ценности в противоположность объективистской теории ценности. В то же время именно в этом субъективизме лежит объективность нашей науки. Вследствие своего субъективизма и принятия ценностных суждений действующего человека в качестве конечной данности, не допускающей их дальнейшего критического исследования, сама эта наука возвышается над всеми спорами партий и фракций, безразлична к конфликтам всех школ догматизма и этических теорий, свободна от оценок и предвзятых идей и мнений, характеризуется всеобщностью и является абсолютно и откровенно человеческой.

5. Причинность как условие деятельности

Человек в состоянии действовать, потому что обладает способностью открывать причинные связи, определяющие процессы изменений и становления во Вселенной. Деятельность требует и предполагает категорию причинности. Действовать способен только человек, видящий мир сквозь призму причинности. В этом смысле можно сказать, что причинность является категорией деятельности. Категория *средства и цели* включает в себе категорию *причина и результат*. В мире, где отсутствуют причинность и упорядоченность явлений, нет места для человеческих рассуждений и человеческой деятельности. Человек даже не способен вообразить условия существования такого хаотичного универсума.

Там, где человек не находит никакой причинной связи, он не может действовать. Но обратное неверно. Даже когда человеку известна причинная связь, он не может действовать, если не в состоянии повлиять на причину.

Архетип причинного исследования выглядел следующим образом: где и как я должен вмешаться для того, чтобы отклонить течение событий от пути, по которому оно бы продолжалось без моего вмешательства, в сторону, более соответствующую моим желаниям? Именно в этом смысле человек ставит вопрос: кто или что лежит в основе вещей? Он ищет регулярность и «закон» потому, что хочет вмешаться. И только много позже эти поиски были широко истолкованы метафизиками как поиски конечной причины бытия и существования. Потребовались века, чтобы от этих преувеличенных и крайних идей вернуться к более скромному вопросу: где нужно вмешаться или где можно вмешаться, чтобы достичь той или иной цели?

Вследствие путаницы, привнесенной некоторыми знаменитыми физиками, трактовка проблемы причинности в последние десятилетия является крайне неудовлетворительной. Можно надеяться, что эта неприятная глава в истории философии станет предупреждением будущим философам.

Причины многих изменений (по крайней мере в настоящее время) нам неизвестны. Иногда удается получить частичное знание, и мы можем сказать: в 70%

случаев *A* приводит к *B*, в остальных случаях к *C* или даже *D*, *E*, *F*, и т.д. Чтобы заменить это фрагментарное знание более точным, необходимо расчленить *A* на элементы. Пока это не сделано, мы должны уступить тому, что называется^{#6} статистическим законом. Но это не меняет праксеологического значения причинности. Полное или частичное^{#7} незнание в некоторых областях не уничтожает категорию причинности.

Философские, эпистемологические и метафизические проблемы причинности и неполной индукции находятся вне рамок праксеологии. Мы просто должны зафиксировать: для того, чтобы действовать, человек должен знать причинные отношения между событиями, процессами и состояниями. И лишь в той степени, в какой ему известны эти отношения, его деятельность может привести к достижению целей. Мы полностью отдаем себе отчет, что, утверждая это, движемся в круге, так как доказательством правильности понимания причинной связи служит только то, что деятельность, направляемая этим знанием, приводит к ожидаемым результатам. Но мы не можем избежать этого порочного круга доказательства как раз потому, что причинность является категорией деятельности. Поэтому праксеология не может не уделять определенного внимания этой фундаментальной проблеме философии.

6. Другое Я

Если мы готовы принять понятие причинности в самом широком смысле, то телеологию можно назвать видом причинного исследования. Конечные причины — это прежде всего причины. Причина события рассматривается как действие или квазидействие, направленное к некоторой цели.

И первобытный человек, и маленький ребенок с наивно-антропоморфической точкой зрения считают вполне правдоподобным, что любое изменение или событие является результатом деятельности существа, действующего таким же образом, что и они сами. Они уверены, что, подобно им, животные, растения, горы, реки и даже камни и небесные тела — чувствующие, волящие и деятельные существа. Только на поздних стадиях культурного развития человек отказывается от этих анимистических представлений и заменяет их механистической картиной мира. Механицизм оказывается таким хорошим принципом поведения, что люди в конце концов начинают думать, что с его помощью решат все проблемы мышления и научных исследований. Материализм и панфизикализм объявляют механицизм сутью всего знания, а экспериментальные и математические методы — единственно научным образом мышления. Все изменения понимаются как движения, подчиняющиеся законам механики.

Поборников механицизма не смущают остающиеся нерешенными проблемы логического и эпистемологического обоснования принципов причинности и неполной индукции. По их мнению, эти принципы правильны, потому что работают. Тот факт, что лабораторные эксперименты дают результаты, предска-

занные теориями, а машины на фабриках работают в соответствии с предписаниями технологии, доказывает, говорят они, правильность методов и выводов современных естественных наук. Учитывая, что наука не может предложить нам окончательной истины — да и кто знает, что такое на самом деле истина, — по меньшей мере определенно можно сказать, что ее результаты ведут нас к успеху.

Но именно когда мы становимся на эту прагматичную точку зрения, бессодержательность догм панфизикализма становится особенно очевидной. Как указывалось выше, науке не удалось решить проблемы отношений между психикой и телом. Панфизикалисты, безусловно, не могут утверждать, что рекомендуемые ими процедуры когда-либо срабатывали в области межчеловеческих отношений и общественных наук. Однако не подлежит сомнению, что принцип, в соответствии с которым эго рассматривает любое человеческое существо, как если бы иное мыслящее и действующее существо было похоже на него, доказал свою полезность как в обыденной жизни, так и в научных исследованиях. Нельзя отрицать, что он работает.

Вне всякого сомнения, практика рассмотрения других людей как существ, которые мыслят и действуют как я, эго, оказалась успешной; вместе с тем перспективы получения подобного прагматического подтверждения постулата, требующего относиться к ним как к объектам естественных наук, выглядят безнадежными. Эпистемологические проблемы, возникающие при объяснении поведения других людей, не менее запутанны, чем проблемы причинности и неполной индукции. Можно согласиться, что невозможно найти убедительное доказательство утверждения о том, что моя логика есть логика всех остальных людей и именно она является единственной человеческой логикой, а категории моей деятельности есть категории деятельности всех других людей и именно они являются категориями всей человеческой деятельности. Однако прагматик должен помнить, что эти утверждения работают и в практической деятельности, и в науке; а позитивист не должен упускать из виду, что, обращаясь к другим людям, он предполагает — явно или неявно — интерсубъективную действительность логики и соответственно реальность царства мысли и деятельности другого Я, его выдающийся человеческий характер⁸.

Мышление и деятельность — специфически особенности человека. Они свойственны всем человеческим существам. Они характеризуют человека как человека помимо принадлежности к зоологическому виду «человек разумный». Исследование отношений между мышлением и деятельностью не входит в предмет праксеологии. Для праксеологии достаточно установления факта единственности логики, понятной человеческому разуму, и единственности способа деятельности, являющегося человеческим и понятного человеческому разуму. Есть ли или могут ли быть другие существа — сверхчеловек или недочеловек, — которые мыслят и действуют иначе, все это вне досягаемости чело-

---

⁸ Ср.: Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Wien, 1932. P. 18.⁽⁵⁾

веческого разума. Мы должны ограничиться изучением человеческой деятельности.

Человеческая деятельность, неразрывно связанная с человеческим мышлением, обусловлена логической необходимостью. Человеческий разум будет не в состоянии постичь логические отношения, не соответствующие логической структуре нашего мышления. Человеческий разум будет не в состоянии постичь способ деятельности, категории которого будут отличаться от категорий, определяющих наши собственные действия.

Человеку доступны только два принципа мысленного понимания реальности, а именно принципы телеологии и причинности. То, что нельзя подчинить ни одной из этих категорий, является совершенно недоступным для разума человека. Для человека событие, не поддающееся объяснению с помощью одного из этих принципов, таинственно и непостижимо. Изменение можно объяснить только как результат либо действия механистической причинности, либо целенаправленного поведения; третьего пути для человеческого разума не существует⁹. Правда, как уже отмечалось, телеология может рассматриваться как разновидность причинности. Но установление данного факта не отменяет существенных различий между этими двумя категориями.

Панмеханистическая картина мира придерживается методологического монизма; она признает лишь механистическую причинность, так как ей одной приписывает познавательную ценность, или, по крайней мере, ставит ее выше познавательной ценности телеологии. Это метафизический предрассудок. Оба принципа познания — причинность и телеология — вследствие ограниченности человеческого разума являются несовершенными и не сообщают окончательного знания. Причинность приводит к *regressus in infinitum*, которую рассудок не в состоянии исчерпать. Телеология представляется неудовлетворительной, как только ставится вопрос о том, что движет перводвигателем. Оба метода внезапно останавливаются перед конечной данностью, которую невозможно проанализировать и объяснить. Рассуждение и научное исследование никогда не могут дать абсолютного душевного покоя, аподиктической определенности и совершенного познания всех вещей. Тот, кто ищет именно этого, должен обратиться к вере и постараться успокоить свою совесть принятием символов веры или метафизических доктрин.

Если не покидать область рассудка и опыта, нельзя не признать, что окружающие нас люди действуют. Мы не вольны игнорировать этот факт ради модных преубеждений и произвольных мнений. Ежедневный опыт демонстрирует нам не только то, что единственно подходящий способ изучения нашего нечеловеческого окружения обеспечивается категорией причинности; он не менее убедительно демонстрирует, что окружающие нас люди — такие

---

⁹ Ср.: *Engliš K. Begründung der Teleologie als Form des empirischen Erkennens. Brünn, 1930. S. 15 ff.*

же деятельные существа, как и мы. Для понимания деятельности в нашем распоряжении имеется всего одна программа объяснения и анализа, а именно та, которая дается познанием и анализом нашего собственного целенаправленного поведения.

Проблема изучения и анализа деятельности других людей никоим образом не связана с проблемой существования *души* или *бессмертной души*. И в той мере, в какой возражения эмпиризма, бихевиоризма и позитивизма направлены против любой разновидности теории души, они бесполезны для нашей проблемы. В связи с этим мы должны ответить на вопрос: возможно ли умственное схватывание человеческой деятельности, если ее отказываются понимать как осмысленное и целенаправленное поведение, направленное на достижение определенного результата? Бихевиоризм и позитивизм стремятся применить методы эмпирических естественных наук к реальности человеческой деятельности. Они объясняют ее как реакцию на раздражители. Но сами эти раздражители не поддаются описанию с помощью методов естественных наук. Любая попытка их описания должна отсылать к смыслу, который им приписывает действующий человек. Можно назвать предложение товара на продажу «раздражителем». Но суть этого предложения и его отличия от других предложений не могут быть описаны без проникновения в смысл, который действующие стороны присваивают ситуации. Никакие диалектические уловки не помогут затушевать тот факт, что человек движим намерением добиться определенных результатов. Именно это целенаправленное поведение — а именно деятельность — и является предметом нашей науки. Мы не сможем приблизиться к нашему предмету, если будем игнорировать смысл, приписываемый действующим человеком ситуации, т.е. данному состоянию дел, и своему собственному поведению в этой ситуации.

Физику не пристало искать конечные причины, так как ничто не указывает на то, что события, являющиеся предметом физических исследований, могут быть истолкованы как результат деятельности существа, преследующего цели, наподобие человека. Праксеолог, исследователь человеческой деятельности, не может игнорировать воздействие волеи и намерений действующего существа;⁸ это факты, не подлежащие сомнению. Если бы он ими пренебрег, то прекратил бы изучать человеческую деятельность. Очень часто, но не всегда событие можно исследовать и с точки зрения праксеологии, и с точки зрения естественных наук. Тот, кто рассматривает выстрел из огнестрельного оружия с точки зрения физики и химии, не является праксеологом. Он пренебрегает именно теми проблемами, которые эта наука стремится прояснить, — целенаправленным поведением человека.

О полезности инстинктов

Доказательством того, что в нашем распоряжении имеются только два подхода к исследованию человека — причинность и телеология, служат проблемы, возникающие в связи с полезностью инстинктов. Существуют типы

поведения, которые, с одной стороны, не могут быть полностью объяснены с помощью причинных методов естественных наук, а с другой стороны, не могут рассматриваться в качестве целенаправленной человеческой деятельности. Для того чтобы зафиксировать это поведение, мы вынуждены прибегать к паллиативу, характеризуя его как квазидеятельность, говорить о полезных инстинктах.

Мы наблюдаем две вещи: во-первых, внутреннюю тенденцию живых организмов реагировать на раздражение в соответствии с постоянным шаблоном и, во-вторых, благоприятное влияние этого типа поведения на укрепление и сохранение жизненных сил организма. Если бы мы могли объяснить такое поведение следствием целенаправленного стремления к определенному результату, то назвали бы его деятельностью и решали бы его телеологическими методами праксеологии. Но так как мы не обнаруживаем в основе этого поведения следов сознательного разума, то считаем, что здесь действует неизвестный фактор, который называем *инстинктом*. Мы говорим о том, что инстинкты управляют квазицеленаправленным поведением животных и бессознательными, но тем не менее полезными реакциями мускулов и нервов человека. Хотя тот факт, что необъясненный элемент в этом поведении мы наделили самостоятельным бытием (гипостазировали) как силу и назвали инстинктом, не увеличил нашего знания. Мы ни на минуту не должны забывать, что слово «инстинкт» — не более чем ориентир, указывающий границу, дальше которой — на сегодня по крайней мере — мы не имеем возможности продолжить наше исследование.

Биология добилась успехов в открытии «естественных», т.е. механистических, объяснений многих процессов, до этого считавшихся следствием действия инстинктов. Несмотря на это, осталось много других, которые не могут быть интерпретированы как механические или химические реакции на механические или химические раздражители. Животные демонстрируют повадки, которые можно объяснить только путем предположения воздействия направляющего фактора.

Иллюзорна цель бихевиоризма^[24] изучать человеческую деятельность извне с помощью методов психологии животных. В той мере, в какой животное поведение выходит за пределы простых физиологических процессов вроде дыхания и обмена веществ, оно должно исследоваться посредством концепций смыслов, разработанных праксеологией. Бихевиорист обращается к объекту своих исследований с человеческими понятиями намерений и успеха. Он невольно применяет человеческие концепции полезности и пагубности к своему объекту исследования. Он обманывает себя, считая, что исключил все словесные ссылки на сознательность и целенаправленность. В действительности же его разум везде ищет цели и оценивает любую повадку меркой искаженного понятия полезности. Наука о человеческом поведении — насколько это не психология — не может отказываться от обращения к смыслу и намерениям. Она ничего не может

почерпнуть из психологии животных и из наблюдений за бессознательными реакциями новорожденных младенцев. Наоборот, как раз психология животных и детская психология не могут отказаться от помощи, предоставляемой наукой о человеческой деятельности.

Наблюдения за инстинктивным поведением животных наполняют человека удивлением и ставят вопросы, на которые никому еще не удалось дать правильного ответа. Тот факт, что животные и даже растения реагируют квазицеленаправленным образом, сверхъестественно не больше и не меньше, чем то, что человек мыслит и действует, что в неорганическом мире преобладают функциональные соответствия, описываемые физикой, а в биологическом мире присутствуют биологические процессы. Сверхъестественным здесь является то, что все это — конечная данность для нашего ищущего разума.

Подобной конечной данностью является также⁹⁹ то, что мы называем инстинктом. Так же как и понятия движения, силы, жизни и сознания, понятие инстинкта — просто термин для обозначения конечной данности. Разумеется, оно ничего не «объясняет» и не указывает на причину¹⁰.

Абсолютная цель

Во избежание любых возможных недоразумений по поводу праксеологических категорий, представляется целесообразным подчеркнуть следующий трюизм.

Праксеология, как и исторические науки о человеческой деятельности, имеет дело с целенаправленной *человеческой* деятельностью. Когда упоминаются цели, то речь идет о целях, которые преследует действующий человек. Когда говорят о *мысле*, то имеют в виду смысл, который действующий человек придает своим действиям.

Праксеология и история — проявления человеческого разума и в этом качестве обусловлены мыслительными способностями смертного человека. Праксеология и история не претендуют на знание о замыслах абсолютного и объективного разума, об объективном смысле, присущем течению событий и исторической эволюции, и о планах, которые Бог или Природа, Мировой Дух^[22] или Провидение пытаются реализовать, управляя Вселенной или делами человека. Они не имеют ничего общего с тем, что называется философией истории^[23]. В отличие от Гегеля, Конта, Маркса и сонма других авторов они не требуют докапываться до истинного, объективного и абсолютного смысла жизни и истории¹¹.

¹⁰ «Жизнь есть первая причина, которая от нас ускользает, как все первые причины, и которой экспериментальная наука не очень-то занимается»⁽⁶⁾ (*Bernard C. La Science expérimentale*. Paris, 1878. P. 137).

¹¹ О философии истории см.: *Mises. Theory and History*. New Haven, 1957. P. 159 ff.^{(7).}^{#10}

Вегетативный человек

Некоторые философы советуют людям в качестве конечной цели поведения стремиться к полному отказу от любой деятельности. Они смотрят на жизнь как на абсолютное зло, полное боли, страданий и мук, и аподиктически отрицают, что какая бы то ни было деятельность способна сделать их терпимыми. Счастья можно достичь только полным отключением сознания, воления и жизни. Единственный путь к единству и спасению — стать совершенно пассивным, безразличным и инертным, как растение. Наивысшее благо — отказ от мышления и действия.

В этом состоит суть учений различных направлений индийской философии, в особенности буддизма^[24], а также Шопенгауэра. Праксеология не высказывается по их поводу. Она нейтральна по отношению к ценностным суждениям и выбору конечных целей. Ее задача не в том, чтобы одобрять или не одобрять, а в том, чтобы описывать то, что есть.^{#11}

Предмет праксеологии — человеческая деятельность.^{#12} Она занимается деятельным человеком, а не человеком, превращенным в растение и низведенного до простого вегетативного существования.

II. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУК О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Праксеология и история

Существуют две основных ветви наук о человеческой деятельности: праксеология и история.^{#13} История — это собирание и систематическое упорядочивание всех данных опыта, касающегося человеческой деятельности. Она занимается конкретным содержанием человеческой деятельности. История изучает все человеческие усилия в их бесконечной множественности и разнообразии и все индивидуальные действия с их случайными, специфическими и индивидуальными смыслами. Она тщательно исследует идеи, влекущие действующих людей, и результаты осуществляемых действий. Она охватывает все аспекты человеческой активности. С одной стороны, есть общая история и, с другой — история различных узких областей. Существует история политической и военной деятельности, идей и философии, экономической деятельности, технологии, литературы, искусства и науки, обычаев и нравов и множества других сфер жизни человека. Есть этнография и антропология в части, не являющейся биологией, психология в части, не являющейся ни физиологией, ни эпистемологией, ни философией. Существует лингвистика, в части, не являющейся ни логикой, ни психологией речи¹.

---

¹ Экономическая история, дескриптивная экономическая теория и экономическая статистика, разумеется, являются историей. Термин «социология» используется в двух различных значениях. Дескриптивная социология занимается теми историческими явлениями, которые не интересуют дескриптивную экономику; она в некоторой степени пересекается со сферами

Предмет всех исторических наук — прошлое. История не может научить нас ничему, что было бы действительно для всех видов человеческой деятельности, в том числе и для будущего. Изучение истории делает человека мудрым и рассудительным. Но само по себе это не дает знаний и умений, которые могут быть использованы для решения конкретных задач.

Естественные науки также имеют дело с прошлыми событиями. Любой опыт есть опыт чего-то, ушедшего в прошлое; опыта будущих событий не существует. А опыт, которому естественные науки обязаны всеми своими успехами, — это опыт эксперимента, где отдельные элементы изменения можно наблюдать изолированно. Накопленные таким способом факты могут быть использованы для индукции — специальной процедуры вывода, продемонстрировавшей практические доказательства своей целесообразности, хотя ее удовлетворительная эпистемологическая характеристика остается пока нерешенной проблемой.

Опыт, с которым имеют дело науки о человеческой деятельности, всегда представляет собой сложные явления. В отношении человеческой деятельности невозможно ставить лабораторных экспериментов. Мы не в состоянии наблюдать изменение только одного элемента при том, чтобы все остальные обстоятельства события оставались неизменными¹⁴. Исторический опыт как опыт сложных явлений не предоставляет нам фактов в том значении, в каком этот термин используется в естественных науках для обозначения изолированных событий, проверяемых в экспериментах. Данные, сообщаемые историческим опытом, не подходят для использования в качестве материала для создания теорий и предсказания будущих событий. Любой исторический опыт не только открыт для различных интерпретаций, но на поверку и интерпретируется различными способами.

Поэтому постулаты позитивизма и родственных направлений метафизики иллюзорны. Науки о человеческой деятельности невозможно реформировать по образцу физики и других естественных наук. Не существует способов создания апостериорной теории человеческого поведения и общественных событий. История не может ни доказать, ни опровергнуть ни одного общего утверждения подобно тому, как естественные науки принимают или отвергают гипотезы на основе лабораторных экспериментов. В этой сфере невозможны ни экспериментальное подтверждение (верификация), ни экспериментальное опровержение (фальсификация) общих утверждений.

интересов этнографии и антропологии. Общая социология подходит к историческому опыту с более универсальной точки зрения, чем остальные отрасли истории. Собственно история, например, исследует индивидуальный город, или город в определенный период, или определенный народ, или определенную географическую область. Макс Вебер в своем главном трактате (*Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1922. P. 513–600⁽⁸⁾) занимается городом вообще, т.е. всей совокупностью исторического опыта, относящегося к городам, без ограничений исторических периодов, географических областей или конкретных народов, стран, рас и цивилизаций.

Сложные явления — результат переплетения множества причинных цепочек — не могут проверить никакую теорию. Наоборот, такие явления сами становятся понятны только через объяснение в терминах теорий, предварительно разработанных на основе других источников. В случае явлений природы объяснение события не должно противоречить теории, в достаточной степени подтвержденной экспериментами. Для исторических событий такие ограничения отсутствуют. Комментаторы имеют возможность прикрываться абсолютно произвольными объяснениями. Когда возникает необходимость что-то объяснить, разум человека без труда изобретает *ad hoc* какую-нибудь мнимую теорию, не имеющую никакого логического обоснования.

В области человеческой истории ограничения, сходные с теми, которые экспериментально подтвержденная теория накладывает на объяснение и понимание конкретных физических, химических и психологических событий, обеспечивает праксеология. Праксеология — теоретическая и систематическая, а не историческая наука. Ее предмет — человеческая деятельность как таковая независимо от внешних, случайных и индивидуальных обстоятельств конкретных действий. Ее знание чисто формально и всеобще безотносительно к материальному содержанию и индивидуальным характеристикам конкретного события. Она нацелена на знание, действительное для всех случаев, условия которых точно соответствуют ее допущениям и выводам. Ее утверждения и теоремы не выводятся из опыта. Так же как в логике и математике, они априорны. Эти утверждения не подлежат верификации или фальсификации на основе опыта и фактов. Они логически и по времени предшествуют любому пониманию исторических фактов. Они составляют необходимое условие любого мысленного понимания исторических событий. Без них мы не сможем увидеть в ходе событий ничего, кроме калейдоскопического мелькания и хаотической неразберихи.

2. Формальный и априорный характер праксеологии

Отрицание существования любого априорного знания — новая модная тенденция современной философии. Утверждается, что все человеческое знание выводится из опыта. Эту позицию легко можно объяснить как преувеличенную реакцию на крайности теологии и ложной философии истории и природы. Метафизики стремились интуитивно открыть нравственные заповеди, смысл исторической эволюции, свойства духа и материи и законы, управляющие физическими, химическими и психологическими событиями. Их неуловимые спекуляции бесечно игнорировали обыденное знание. Они были убеждены, что и без обращения к опыту разум способен все объяснить и дать ответы на все вопросы.

Своими успехами современные естественные науки обязаны методам наблюдения и эксперимента. Не подлежит сомнению, что эмпиризм и прагматизм правы, пока они просто описывают методики естественных наук. Но столь же несомненно и то, что они абсолютно неправы, когда пытаются отвергать

любое априорное знание и характеризуют логику, математику и праксеологию либо как эмпирические и экспериментальные дисциплины, либо как просто тавтологию^{#15}.

Что касается праксеологии, то здесь ошибки философов проистекают из полного невежества в экономической науке² и весьма часто из шокирующе недостаточного знания истории. В глазах философов занятие философскими вопросами — возвышенная и благородная профессия, которой не должно снисходить до занятий, преследующих выгоду. Профессора возмущает то, что он извлекает доход из философствования; его оскорбляет, что он зарабатывает деньги подобно артисту или поденщику на ферме^[25]. Денежные вопросы означают вещи, а философ, исследующий величественные проблемы истины и абсолютных вечных ценностей, не должен засорять свой ум обращением к проблемам экономической науки^{#16}.

Проблема наличия или отсутствия априорных элементов мышления, т.е. необходимых и неотвратимых интеллектуальных условий мышления, предшествующих любому замыслу или опыту, не следует путать с генетическими проблемами обретения человеком своих специфически человеческих умственных способностей. У предков человека такие способности отсутствовали. Они обладали определенным потенциалом, в процессе эволюции превратившим их в разумные существа. Это превращение совершилось под влиянием изменяющейся космической среды, действовавшей на последовательный ряд поколений. Отсюда представители эмпиризма заключают, что основополагающие принципы разума являются результатом опыта и представляют собой приспособление человека к условиям среды.

Из этой идеи, если проводить ее последовательно, вытекает вывод, что между нашим дочеловеческим предком и *homo sapiens* существовали многочисленные промежуточные виды. Существа, которые, хотя и не обладали разумностью человека, тем не менее были наделены зачаточными элементами логического рассуждения. Их ум еще был не логическим, а дологическим (или скорее несовершенно логическим). Их фрагментарная и несовершенная логическая функция постепенно эволюционировала от дологической к логической стадии. Разум, интеллект, логика — явления исторические. Наравне с историей технологии существует история логики. Ничто не указывает на то, что логика в том виде, в каком мы ее знаем, представляет собой конечную

---

² Вряд ли кто-либо из философов обладал более универсальными познаниями в различных областях современной науки, чем Бергсон. Но случайная ремарка в его последней великой книге ясно демонстрирует его полное незнание фундаментальных теорем современной теории ценности и обмена. Говоря об обмене, он замечает: ««обменом» невозможно заниматься, не задаваясь вопросом, представляют ли два обмениваемых предмета одну и ту же ценность, т.е. обмениваются ли они на один и тот же третий» (*Bergson. Les Deux Sources de la morale et de la religion. Paris, 1932. P. 68⁽⁹⁾*).

стадию мыслительных способностей человека. Человеческая логика — историческая ступень от дочеловеческой не-логики к сверхчеловеческой логике. Разум — наиболее эффективное оружие человеческих существ в борьбе за выживание — являются неотъемлемыми моментами общего течения зоологических событий. Они не выступают ни вечными, ни неизменными. Они переходящи.

К тому же не вызывает сомнения тот факт, что каждое человеческое существо в своей персональной эволюции повторяет не только физиологическую метаморфозу простой клетки в сложный организм млекопитающего, но и духовную метаморфозу чисто вегетативного и животного существования в разумное состояние. Эта трансформация совершается не в период внутриутробной жизни эмбриона, а лишь позднее, когда в новорожденном ребенке постепенно пробуждается человеческое сознание. Таким образом, каждый человек в раннем детстве, начиная с глубин темноты, проходит через различные состояния логической структуры разума.

Теперь поговорим о животных. Мы полностью осознаем пропасть, отделяющую наш разум от реактивных процессов их мозга и нервов. Но в то же время мы угадываем силы, отчаянно толкающие их к свету понимания. Они подобны узникам, стремящимся избавиться от ужаса вечной темноты и непреодолимого автоматизма. Мы сочувствуем им, потому что сами находимся в схожем положении: тщетно бьемся о стену ограниченности нашего интеллектуального инструментария, безуспешно стремимся к недостижимо совершенному знанию.

Но проблема априори — другого плана. Она не включает в себя проблему возникновения сознания и разума, а связана с существенными и необходимыми свойствами логической структуры человеческого разума.

Фундаментальные логические отношения не подлежат доказательству или опровержению. Любая попытка их доказать должна предполагать их обоснованность. Было бы невозможно объяснить их тому, кто не обладал бы ими сам. Они являются первичными утверждениями, предшествующими любому номинальному или реальному определению. Они представляют собой конечные неанализируемые категории. Человеческий разум совершенно не приспособлен к представлению логических категорий, противоречащих им. Неважно, какими они могут показаться сверхчеловеческим существам, но для человека они абсолютно неизбежны и необходимы. Они являются необходимыми предпосылками восприятия, апперцепции и опыта.

Они суть не что иное, как необходимые предпосылки памяти. В естественных науках существует тенденция описывать память как частный случай более общего явления. Любой живой организм сохраняет результаты предыдущих раздражений, и сегодняшнее состояние неорганической материи создано суммой результатов всех воздействий, которым оно подвергалось в прошлом. Сегодняшнее состояние Вселенной — продукт ее прошлого. Поэтому в общем

метафорическом смысле мы можем сказать, что геологическая структура земного шара сохраняет память обо всех случившихся космических изменениях, что тело человека — «сухой остаток» превратностей судьбы его предков и его собственных действий. Но память — это нечто, в корне отличающееся от факта единства и непрерывности космической эволюции. Она — феномен сознания и в качестве такового обусловлена логическим априори. Психологи озадачены тем, что человек ничего не помнит о периоде своего эмбрионального развития и существования в качестве грудного младенца. Фрейд пытался объяснить, что это отсутствие памяти вызвано подавлением^{#17} нежелательных воспоминаний. Дело же в том, что на бессознательной стадии нечего запоминать. Животный автоматизм и бессознательные реакции на физиологические раздражения не являются объектом запоминаний ни для эмбриона, ни для грудного младенца, ни для взрослого. Запоминаться могут только сознательные состояния.

Разум человека — не чистый лист, на котором внешние события пишут свою собственную историю. Он вооружен набором инструментов для мысленного схватывания реальности. Человек приобрел эти инструменты, т.е. логическую структуру разума, в ходе своей эволюции от амебы до сегодняшнего состояния. Но эти средства логически предшествуют любому опыту.

Человек не является всего лишь животным, полностью подчиненным раздражителям, с неизбежностью определяющим обстоятельства его жизни. Он — действующее существо. И категория деятельности логически предшествует любому конкретному действию.

Тот факт, что у человека не хватает творческого воображения для представления категорий, противоречащих фундаментальным логическим отношениям и принципам причинности и телеологии, предписывает нам то, что можно назвать *методологическим априоризмом*.

Непреложность и универсальность категорий мышления и деятельности подтверждается каждодневным поведением всех людей. Тот, кто обращается к другому человеку, желая информировать или убедить его, задает вопросы или отвечает на вопросы других людей, может сделать это только потому, что может обратиться к чему-то общему для всех людей, а именно к логической структуре человеческого разума. Мысль, что *A* может быть одновременно *не-A* или что предпочтение *A* перед *B* одновременно есть предпочтение *B* перед *A*, просто невообразима и абсурдна для человеческого разума. Мы не в состоянии понять никакой тип дологического или металогического мышления. Мы не способны мыслить о мире без причинности и телеологии.

Для человека безразлично, существуют или нет за пределами области, доступной человеческому разуму, другие области, где есть нечто, категориально отличающееся от человеческого мышления и деятельности. Никакое знание из этих областей не проникает в человеческий разум. Бессмысленно задаваться вопросом, отличаются ли вещи-в-себе от того, чем они кажутся нам, и существуют ли иные миры, о которых мы не способны догадаться, и идеи, которые мы не

способны понять. Эти проблемы лежат за пределами человеческого познания. Человеческое знание обусловлено структурой человеческого разума. Если он выбирает человеческую деятельность в качестве объекта исследований, она не может быть не чем иным, как категориями деятельности, присущими человеческому разуму, и являться проекцией последнего во внешний мир становления и изменений. Все теоремы праксеологии относятся только к категориям деятельности и действительны лишь в орбите их действия. Они не претендуют на сообщение какой-либо информации о невообразимых мирах и связях.

Таким образом, праксеология является человеческой в двойном смысле. Она человеческая, поскольку утверждает для своих теорем — в области, точно определенной лежащими в их основе допущениями, — всеобщность по отношению к любой человеческой деятельности. Кроме того, она человеческая, поскольку занимается только человеческой деятельностью, и не стремится узнать что-либо^{#18} относительно нечеловеческой — дочеловеческой или сверхчеловеческой — деятельности.

Приписывание логической гетерогенности первобытному человеку

Широко распространенной ошибкой является мнение, согласно которому считается, что работы Люсьена Леви-Брюля доказывают, что логическая структура мышления дикарей была и остается принципиально отличной от логической структуры мышления цивилизованного человека. Наоборот, то, что Леви-Брюль на основе тщательного исследования всего доступного этнографического материала сообщает об умственных функциях первобытного человека, ясно доказывает, что фундаментальные логические зависимости и категории мышления и деятельности играют в умственной активности дикарей ту же роль, что и в нашей жизни. Содержание мыслей первобытного человека отличается от содержания наших мыслей, но формальная и логическая структура у тех и других общая.

Следует признать, что сам Леви-Брюль придерживался взгляда, что склад ума примитивных народов в сути своей «мистический и дологический»; коллективные представления первобытного человека регулируются «законом сопричастия» и, следовательно, нейтральны по отношению к закону противоречия. Однако различие Леви-Брюлем дологического и логического мышления относится к содержанию, а не к форме и категориальной структуре мышления, поскольку он заявляет, что и у людей, нам подобных, наравне с идеями, подчиненными «закоу сопричастия», более или менее независимо, в более или менее ослабленной форме существуют идеи и отношения между ними, управляемые законом рассуждения. «Дологическое и мистическое сосуществует с логическим»³.

³ Lévy-Bruhl. *How Natives Think* / trans. by L. A. Clare. New York, 1932. P. 386.

Леви-Брюль относит основополагающие учения христианства к царству дологического разума⁴. Конечно, против христианских доктрин и их теологических интерпретаций может быть выдвинуто множество возражений. Но никто еще не рисковал утверждать, что христианские отцы церкви и философы, среди которых св. Августин и св. Фома Аквинский, обладали мышлением, логическая структура которого отличается от нашей. Спор между двумя людьми, один из которых верит в чудеса, а другой — нет, не относится ни к содержанию мышления, ни к его логической форме. Человек, пытающийся показать возможность и реальность чудес, возможно, ошибается. Но обнаружить его ошибку, как показали блистательные эссе Юма и Милля^[26], логически не менее сложно, чем преодолеть любые другие философские и экономические заблуждения. Исследователи и миссионеры сообщают, что в Африке и Полинезии первобытный человек внезапно останавливается на ранних стадиях восприятия вещей и никогда не рассуждает, если может как-то этого избежать⁵. Европейские и американские педагоги иногда сообщают то же самое о своих учениках. Леви-Брюль цитирует наблюдения миссионера, сделанные им в племени мосси в Нигере: «Разговоры вращаются исключительно вокруг женщин, еды и — в сезон дождей — тех растений, что они возделывают»⁶. Какие другие темы предпочитали многие современники и соотечественники Ньютона, Канта и Леви-Брюля?

Вывод из исследований Леви-Брюля лучше всего сформулирован им самим: «Первобытное мышление, как и наше, интересуется причинами происходящего, однако оно ищет их в совершенно ином направлении»⁷.

Крестьянин, желающий собрать богатый урожай, может в соответствии с содержанием своих представлений выбрать различные методы. Он может совершить определенные магические обряды, совершить паломничество, поставить свечу перед образом покровительствующего святого или использовать больше качественных удобрений. Но что бы он ни делал, это в любом случае является деятельностью, т.е. использованием средств для достижения целей. В широком понимании магия представляет собой разновидность технологии. Игнание нечистой силы — обдуманная целенаправленная деятельность, основанная на картине мира, которую большинство наших современников не приемлют, осуждают как суеверие. Но концепция деятельности не подразумевает, что деятельность направляется правильной теорией, а технология обещает успех, и что деятельность достигнет своих целей. Это лишь означает: субъект деятельности считает, что применяемые средства дадут желаемый эффект.

⁴ Ibid. P. 377.

⁵ Lévy-Bruhl. Primitive Mentality / trans. by L. A. Clare. New York, 1923. P. 27–29.⁽¹⁰⁾

⁶ Ibid., p. 27.⁽¹¹⁾

⁷ Ibid., p. 437.⁽¹²⁾

Ни один факт из этнографии и истории не противоречит утверждению, что логическая структура разума едина у всех людей любых рас, возрастов и стран⁸.

3. Априори и реальность

Априорные рассуждения чисто понятийны и дедуктивны. Они не могут дать ничего, кроме тавтологий и аналитических рассуждений. Все их следствия выводятся из посылок и уже содержатся в них. Следовательно, согласно популярному возражению, они ничего не могут добавить к нашему знанию.

Все геометрические теоремы уже подразумеваются в аксиомах. Понятие прямоугольного треугольника уже включает в себя теорему Пифагора. Эта теорема — тавтология, ее дедуктивные результаты состоят в аналитическом суждении. Тем не менее никто не возьмется утверждать, что геометрия вообще и теорема Пифагора в частности не увеличили наши знания. Познание посредством чисто дедуктивного рассуждения также является созидательным и открывает нашему знанию путь в ранее недоступные сферы. Важная задача априорных рассуждений состоит в том, чтобы, с одной стороны, выявить все то, что подразумевается под различными категориями, концепциями и посылками, и, с другой стороны, показать, что под ними не подразумевается. Их предназначение — сделать явным и очевидным все то, что прежде было скрыто и неизвестно⁹.

В понятии денег уже заключены все теоремы денежной теории. Количественная теория не добавляет к нашему знанию ничего, что фактически не содержится в понятии денег; она только анализирует и поэтому тавтологична, как теорема Пифагора тавтологична по отношению к понятию прямоугольного треугольника. Однако никто не будет отрицать познавательную ценность количественной теории. Для ума, не просвещенного экономическими объяснениями, она остается неизвестной. Длинный ряд безуспешных попыток разрешить затронутые проблемы показывает как непросто было достичь современного состояния знания.

То, что априорная наука не обеспечила нам полного познания реальности, не означает ее неполноценности. Ее понятия и теоремы являются орудиями мышления, которые открывают путь к полному пониманию реальности; но, разумеется, сами по себе они еще не сумма фактического знания обо всех вещах. Теория и постижение живой и изменяющейся реальности не противоположны. Без теории, общей априорной науки о человеческой деятельности не существует постижения реальности человеческой деятельности.

⁸ См. великолепные формулировки в: *Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen*. Berlin, 1925. II. Bd. S. 78.⁽¹³⁾

⁹ Наука, говорит Мейерсон, есть «действие, посредством которого мы восстанавливаем как тождественное, что сначала, скрытое, не было для нас таковым»⁽¹⁴⁾ (*Meyerson. De l'Explication dans les sciences*. Paris, 1927. P. 154; см. также: *Cohen M. R. A Preface to Logic*. New York, 1944. P. 11–14).

Вопрос о соотношении разума и опыта давно является одной из фундаментальных философских проблем. Как и все остальные проблемы критики знания, философы исследуют их на материале естественных наук. Они игнорируют науки о человеческой деятельности. Для праксеологии их вклад бесполезен.

При исследовании эпистемологических проблем экономической науки, как правило, принимается одно из решений, предложенных для естественных наук. Некоторые авторы рекомендуют конвенционализм Пуанкаре¹⁰. Они рассматривают послышки экономических рассуждений как лингвистические или постулированные конвенции¹¹. Другие предпочитают неохотно согласиться с идеями, выдвинутыми Эйнштейном. Он ставил следующий вопрос: «Каким образом математике, продукту человеческого мышления, не опирающейся ни на какой опыт, удастся так точно соответствовать объектам реальности? Способен ли человеческий разум, без помощи опыта, путем чистых рассуждений, узнавать реальные вещи?» Его ответ заключается в следующем: «Поскольку положения Математики относятся к реальности, постольку они не верны; и они верны только постольку, поскольку они не относятся к реальности»¹².

Однако науки о человеческой деятельности радикально отличаются от естественных наук. Все авторы, стремящиеся построить эпистемологическую систему наук о человеческой деятельности в соответствии с моделью естественных наук, безнадежно заблуждаются.

Реальный объект, являющийся предметом праксеологии, — человеческая деятельность, происходит из того же источника, что и человеческое мышление. Деятельность и мышление являются со-родными и гомогенными; их можно даже назвать двумя аспектами одно и того же. Мышление путем чисто логического рассуждения способно прояснить существенные характерные черты деятельности. Это выступает следствием того факта, что деятельность является ветвью мышления. Теоремы, полученные в результате правильных праксеологических рассуждений, не только абсолютно верны и неоспоримы, подобно истинным математическим теоремам. Кроме того, они со всей строгостью своей аподиктической надежности и неоспоримости относятся к реальной деятельности, проявляющейся в жизни и истории. Праксеология дает строгое и точное знание о реальных вещах.

Отправной пункт праксеологии — не выбор аксиом или решение о процедурах, а размышление о сущности деятельности. Нет такой деятельности, в которой категории праксеологии не проявлялись бы полностью и совершенно. Нет такого мыслимого вида деятельности, где средства и цели, затраты и результаты не были бы четко различимы и не могли бы быть точно отделены друг от друга. Нет ничего, что соответствовало бы экономической категории обмена лишь

¹⁰ *Henri Poincaré*. La Science et l'hypothese. Paris, 1918. P. 69.⁽¹⁵⁾

¹¹ *Kaufman F.* Methodology of the Social Sciences. London, 1944. P. 46–47.

¹² *Einstein A.* Geometrie und Erfahrung. Berlin, 1923. P. 3.⁽¹⁶⁾

приблизительно и неполно. Есть только обмен и не-обмен; и по отношению к любому конкретному обмену все общие теоремы, касающиеся обменов, действительны во всей своей строгости и со всеми вытекающими из них следствиями. Не существует никаких переходов от обмена к не-обмену или от прямого обмена к косвенному обмену. Опыт, противоречащий этим утверждениям, не может быть получен.

Получение такого опыта невозможно прежде всего по той причине, что весь опыт, касающийся человеческой деятельности, обусловлен категориями праксеологии и становится возможным только через их применение. Если бы наш мозг не содержал схем, выработанных праксеологическими размышлениями, мы были бы не в состоянии распознать и понять никакой деятельности. Мы воспринимали бы движение, но не куплю-продажу, цены, заработную плату, процентные ставки и т.д. Только путем применения праксеологических схем мы способны получить опыт относительно актов купли-продажи, причем независимо от того, воспринимают ли наши чувства одновременно движение людей и нечеловеческих элементов внешнего мира. Без помощи праксеологического знания мы бы не смогли ничего узнать о средствах обмена. Если бы мы подошли к деньгам без такого предсуществующего знания, то увидели бы в них круглые металлические пластинки и ничего более. Опыт, касающийся денег, требует знакомства с праксеологической категорией *средство обмена*.

Опыт человеческой деятельности отличается от опыта, касающегося природных явлений, тем, что требует и предполагает праксеологическое знание. Вот почему методы естественных наук не годятся для праксеологических, экономических и исторических исследований.

Утверждая априорный характер праксеологии, мы не намечаем план будущей новой науки, отличной от традиционных наук о человеческой деятельности. Мы доказываем не то, что теоретические науки о человеческой деятельности должны быть априорными, а то, что они всегда были таковыми. Любая попытка рассмотрения проблем человеческой деятельности необходимо связана с априорным мышлением. В этом случае неважно, будут ли люди, обсуждающие проблему, теоретиками, нацеленными исключительно на чистое знание, или государственными деятелями, политиками, простыми гражданами, пытающимися понять происходящие перемены и выяснить, какое направление государственной политики или частного поведения будет соответствовать их собственным интересам. Люди могут начать спорить о значимости какого-нибудь конкретного опыта, но, начав с обсуждения случайных и внешних обстоятельств события, дебаты неизбежно перейдут к анализу фундаментальных принципов и все ссылки на фактические подробности незаметно исчезнут. вспомните, например, заблуждения старой механики, опровергнутой Галилеем, или судьбу теории флогистона²⁷¹. В истории экономической науки подобные случаи не зарегистрированы. Сторонники логически несовмести-

мых теорий используют одни и те же события как доказательство того, что их точки зрения проверены опытом. Дело в том, что опыт сложных явлений (а другого опыта в мире человеческой деятельности нет) всегда можно интерпретировать на основе прямо противоположных теорий. Будет ли интерпретация признана удовлетворительной или неудовлетворительной, зависит от оценки соответствующих теорий, созданных заранее на основе априорного размышления¹³.

История не может дать нам никакого общего правила, принципа, закона. Не существует способов вывести апостериори из исторического опыта какие-либо теории или теоремы относительно человеческого поведения и установок. Исторические данные оставались бы просто хаотичной коллекцией не связанных друг с другом происшествий, если бы не прояснялись, упорядочивались, интерпретировались систематическим праксеологическим знанием.

4. Принцип методологического индивидуализма

Праксеология занимается деятельностью отдельных людей. И лишь в процессе ее исследований появляется знание о человеческом сотрудничестве, а социальная деятельность трактуется как особый случай более общей категории человеческой деятельности как таковой.

Методологический индивидуализм всегда подвергался яростной критике со стороны различных метафизических школ и пренебрежительно назывался номиналистическим заблуждением. Реальный человек всегда является членом общественного целого. Невозможно представить существование человека, отделенного от остального человечества и не имеющего связей с обществом. Человек есть продукт общественной эволюции. Его наиболее выдающаяся характерная черта — разум — могла появиться лишь в структуре взаимных связей общества. Не существует мышления, независимого от концепций и понятий языка. Но речь является ярко выраженным общественным феноменом. Человек — всегда член коллектива. Как целое логически и во времени предшествует своим частям или членам, так и изучение индивида следует за изучением общества. Единственный адекватный метод научного исследования проблем человека — метод универсализма или коллективизма.

Дискуссия о том, что логически первично, целое или его части, бессмысленна. Логически понятия целого и части являются соотносительными. Как логические концепции они находятся вне времени.

Столь же неуместна в отношении нашей проблемы и ссылка на антагонизм реализма и номинализма в том смысле, какой им придавали средневековые схоласты^[28]. Бесспорно, в области человеческой деятельности реально существуют общественные образования. Никто не рискнет отрицать, что нации,

---

¹³ См.: *Cheyney E. P. Law in History and Other Essays. New York, 1927. P. 27.*

государства, муниципалитеты, партии, религиозные общины являются реальными факторами, определяющими ход человеческих событий. Методологический индивидуализм вовсе не оспаривает значимость коллективных целостностей, считая одной из основных своих задач описание и анализ их становления и исчезновения, изменяющейся структуры и функционирования. Он выбирает единственный метод, позволяющий добиться удовлетворительного решения этой проблемы.

Прежде всего следует осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов, чьи действия относятся к коллективному как ко вторичному источнику. Характер действия определяется смыслом, который придают ему действующие индивиды и все те, кого затрагивают их действия. Смысл характеризует ту или иную деятельность как деятельность индивида или как деятельность государства или муниципалитета. Преступника казнит палач, а не государство. Именно смысл, придаваемый теми, кого это касается, различает в действиях палача действия государства. Пусть группа вооруженных людей захватила какое-то место. Именно замысел заинтересованных сторон ставит этот поступок в вину не офицерам и солдатам непосредственно, а их стране. Если тщательно исследовать смысл действий, предпринимаемых индивидами, то с необходимостью станет известно все о деятельности коллективных целостностей, поскольку коллектив не существует вне деятельности отдельных членов. Коллектив живет в деятельности составляющих его индивидов. Реальность общественного образования заключается в направлении и иницировании определенных действий индивидов. Таким образом, путь к познанию коллективных целостностей лежит через анализ действий отдельных индивидов.

Как мыслящее и действующее существо человек возникает из своего дочеловеческого существования уже как общественное существо. Эволюция мышления, языка и сотрудничества — результаты одного процесса; они были нераздельно и необходимо связаны друг с другом. Но это происходит с индивидами. Этот процесс выражается в изменении поведения индивидов. Помимо индивидов нет другой субстанции, где бы этот процесс происходил. Помимо деятельности индивидов не существует другого субстрата общества.

Наличие наций, государств и вероисповеданий, общественного сотрудничества при разделении труда различимо только в деятельности конкретных индивидов. Еще никто не познал нацию, не познав входящих в нее индивидов. В этом смысле можно сказать, что общественные коллективы возникают через деятельность индивидов. Но это не означает, что индивиды предшествуют им во времени. Просто коллектив образуют определенные действия индивидов.

Нет необходимости спорить, равняется ли коллектив сумме своих элементов или больше ее, является ли он *sui generis*, можно ли говорить о его воле, планах, целях и действиях и приписывать ему особую «душу». Подобная доктринарская болтовня бессмысленна. Коллективное целое — определенный аспект деятель-

ности различных индивидов и в качестве такового является реальностью, определяющей ход событий.

Вера в то, что коллективное целое можно сделать видимым, иллюзорна. Оно никогда не видно; его познание — это всегда результат понимания смысла, который действующие люди придают своим действиям. Возьмем, к примеру, толпу, т.е. множество людей. Является ли толпа просто сборищем, массаами (в смысле, в котором этот термин используется в современной психологии), организованной группой или другим общественным образованием? На этот вопрос можно ответить, только выяснив смысл, который они сами придают своему присутствию здесь. Не чувства, а понимание, мыслительный процесс, позволяет нам осознать общественное образование.

Для того, кто захочет начать изучение человеческой деятельности с коллективных единиц, непреодолимым препятствием станет тот факт, что индивид в одно и то же время может принадлежать и, за исключением самых примитивных дикарей, реально принадлежит к разным коллективным образованиям. Проблемы, возникающие вследствие множественности общественных единиц и их взаимного антагонизма, могут быть решены только при помощи методологического индивидуализма¹⁴.

Я и Мы

Эго есть единица действующего существа. Это бесспорная данность и не может быть отменено или заговорено никакими рассуждениями или игрой словами.

Мы есть всегда результат суммирования, соединяющего два или более *Эго*. Когда кто-то говорит *Я*, то уже не требуется никаких дальнейших уточнений для установления значения. То же самое верно и по отношению к *Ты*, и по отношению к *Он* при условии, что личность его четко определена. Но если человек говорит *Мы*, то необходима дополнительная информация для уточнения *Я*, которые собраны в этом *Мы*. *Мы* всегда говорят конкретные индивиды; даже если они говорят хором, все равно остается произнесение этого слова отдельными индивидами.

Каждый из *Мы* не может действовать иначе, как от своего собственного имени. Они могут действовать все вместе или один из них может действовать за них всех. В последнем случае сотрудничество других заключается в создании ситуации, при которой деятельность одного оказалась бы полезной и для остальных. Только в этом смысле представитель социального образования может действовать за всех; отдельные члены коллектива или заставляют, или разрешают действиям одного человека затрагивать и их тоже.

Попытки психологии растворить *Эго* и разоблачить его как иллюзию тщетны. Праксеологическое *Эго* не подлежит сомнению. Не важно, кем человек был или кем он может стать позднее, в момент выбора и действия он является *Эго*.

---

¹⁴ Критику коллективистской теории общества см. на с. 137–145.

От *pluralis logicus* (и от просто протокольного *pluralis majesticus*) следует отличать *pluralis gloriosus*. Если канадец, никогда не стоявший на коньках, заявляет: «Мы лучше всех в мире играем в хоккей» или какой-нибудь неотесанный итальянец гордо заявляет: «Мы самые выдающиеся художники в мире», то это никого не вводит в заблуждение. Но в отношении политических и экономических проблем *pluralis gloriosus* перерастает в *pluralis imperialis* и в этом качестве играет значительную роль, прокладывая путь для одобрения доктрин, определяющих международную экономическую политику.

5. Принцип методологической единичности

Праксеология начинает свои исследования не просто с действий индивида, а с отдельного действия. Она не обращается в неясных терминах к человеческому действию вообще, а имеет дело с конкретным действием, которое определенный человек совершил в определенный день в конкретном месте. Разумеется, она не касается случайных и внешних характеристик этого действия и его отличий от всех других действий, а изучает только то, что необходимо и всеобще в его совершении.

Философия универсализма²⁹¹ с незапамятных времен блокирует доступ к удовлетворительному пониманию праксеологических проблем, и современные универсалисты абсолютно не способны найти к ним подход. Универсализм, коллективизм, концептуальный реализм видят только целостности и универсалии. Они размышляют о человечестве, нациях, государствах, классах, пороке и добродетели, правом и неправом, классах потребностей и товаров. Они, например, спрашивают: «Почему ценность „золота“ выше, чем ценность «железа»?» Так они никогда не найдут решений, а только выявят антиномии и парадоксы. Самым известным примером является парадокс ценности, который мешал работе еще экономистов классической школы.

Праксеология спрашивает: что происходит во время действия? Что означают слова: индивид тогда-то и там-то, здесь и сейчас, в любое время и в любом месте действует? К чему приводит выбор им одних вещей и отклонение других?

Акт выбора всегда является решением в условиях разнообразных возможностей, открытых для выбирающего индивида. Человек никогда не выбирает между пороком или добродетелью, а только между двумя образами действий, которые мы в зависимости от принятой точки зрения называем порочным или добродетельным. Человек никогда не выбирает просто «золото» или «железо», а всегда определенное количество золота или определенное количество железа. Непосредственные последствия любого единичного действия всегда строго ограничены. Если мы хотим прийти к правильным выводам, то должны в первую очередь внимательно изучить эти ограничения.

Человеческая жизнь — это непрерывная последовательность единичных действий. Но единичное действие ни в коем случае не изолировано. В цепочке действий существуют связи, формирующие из нее действие более высокого уровня,

нацеленное на более отдаленные результаты. Каждое действие имеет два аспекта. С одной стороны, это частичное действие в структуре более растянутого действия, достижение части целей, установленных более далеко идущим действием. Но, с другой стороны, это целое по отношению к действиям, выполняемым его собственными частями.

Насколько далеко идущие или частичные, направленные на достижение непосредственного результата действия осуществляются человеком, зависит от масштаба проекта, реализуемого им в данный момент. Праксеологии нет необходимости задаваться вопросами, которые поднимаются в гештальтпсихологии^[50]. Дорога к великим свершениям всегда должна вести через решение частичных задач. Храм отличается от груды камней, сваленных в кучу. Но единственный способ построить храм — это класть один камень на другой. Для архитектора главное — проект в целом, для прораба — одна стена, а для каменщика — каждый кирпич. Для праксеологии важно, что решение крупной задачи неизбежно требует прохождения шаг за шагом, часть за частью всего пути от самого фундамента.

6. Индивидуальные и меняющиеся характеристики человеческой деятельности

Содержание человеческой деятельности, т.е. преследуемые цели и средства, избранные и применяемые для достижения этих целей, определяется личными качествами каждого действующего человека. Отдельный человек — результат длительной зоологической эволюции, сформировавшей его физиологическую наследственность. Он несет на себе отпечаток своих предков; его биологическая наследственность — это экстракт, сухой остаток опыта его праотцов. Рождаясь, человек попадает не в мир вообще, а в определенную среду. Врожденные и унаследованные биологические качества, «обработка» жизнью формируют из человека то, чем он является в каждый момент своего земного пути. Они его жребий, его судьба. Его воля не «свободна» в метафизическом понимании этой категории. Она определяется его происхождением и всеми воздействиями, которым подвергался он сам и его предки.

Действия человека направляются наследственностью и средой. Они предоставляют ему и цели, и средства. Он живет не просто как человек *in abstracto*; он живет как сын своей семьи, расы, народа, поколения; как гражданин своей страны; как член определенной социальной группы; как работник определенной профессии; как последователь определенных религиозных, метафизических, философских и политических идей; как участник многочисленных междоусобиц и споров. Он не сам создал свои идеи и стандарты ценностей, а позаимствовал их у других людей. Его идеология — это то, что ему предписывает окружение. Лишь немногие люди обладают даром придумывать новые и оригинальные идеи и вносить изменения в традиционные убеждения и теории.

Рядовой человек не размышляет о великих проблемах. В этом он полагается на авторитет других людей; он поступает так, «как должен поступать любой порядочный человек»; он подобен овце в отаре. Именно эта интеллектуальная инертность характеризует человека как рядового человека. Но тем не менее рядовой человек делает свой выбор. Он принимает традиционные образцы или образцы, принятые другими людьми, потому что убежден: они лучше подходят ему для достижения благополучия. И человек готов поменять идеологию и, следовательно, образ действий, если убеждается, что это полностью соответствуют его интересам.

Во многом повседневное поведение человека определяется простыми шаблонами. Он производит действия, не обращая особого внимания на них. Многие вещи он делает потому, что его приучили делать их с детства, другие люди поступают таким же образом и это принято в его среде. Он приобретает привычки, вырабатывает автоматические реакции. Но предается этим привычкам только потому, что ему нравятся получаемые результаты. Но как только человек узнаёт, что следование привычному курсу может воспрепятствовать достижению целей, которые он рассматривает как более желательные, он меняет свое отношение. Человек, выросший в местности с чистой водой, приобретает привычку безбоязненно пить, умываться и купаться. Но когда он переедет в место, где вода заражена болезнетворными бактериями, станет уделять намного более пристальное внимание процедурам, о которых раньше не беспокоился. Он станет внимательно следить за тем, чтобы не заразиться из-за бездумного следования заведенному порядку и автоматическим реакциям. Тот факт, что действие при обычном ходе событий производится спонтанно, еще не означает, что это происходит не благодаря сознательному волевому акту и обдуманному выбору. Следование шаблонам, которые могут быть изменены, является деятельностью.

Праксеология занимается не изменяющимся содержанием действия, а его чистой формой и категориальной структурой. Изучение случайных и характерных черт человеческой деятельности является задачей истории.

7. Предмет и особый метод истории

Предмет истории — исследование всех данных опыта, касающегося человеческой деятельности. Историки собирают и критически анализируют все доступные документы. На основе этих свидетельств они подходят к выполнению своей истинной задачи.

Утверждается, что задача истории — показать, как события происходили на самом деле, без предубеждения и оценок (*wertfrei* — т.е. нейтрально по отношению к ценностным суждениям). Сообщение историка должно быть правдивым образом прошлого, так называемой мысленной фотографией, дающей полное и беспристрастное описание всех фактов. Оно должно воспроизвести перед нашим мысленным взглядом прошлое во всех его деталях.

Однако реальное воспроизведение прошлого потребовало бы копирования, что не в силах человека. История — это не мысленное воспроизведение, а концентрированное представление прошлого средствами понятийного аппарата. Историк не просто позволяет событиям говорить самим за себя. Он организует их в соответствии с идеями, лежащими в основе образования общих понятий, которые он использует, в своем представлении материала. Историк сообщает нам не все случившиеся факты, а только те, *которые имеют отношение к делу*. Он не открывает документ без предположений, а подходит к нему во всеоружии научного знания своего времени, т.е. учений современной логики, математики, праксеологии и естественных наук.

Безусловно, историк не должен руководствоваться предубеждениями и партийными принципами. И авторы, считающие исторические события арсеналом средств для ведения партийных схваток, являются не историками, а пропагандистами и апологетами. Они стремятся не приобрести знания, а оправдать программу своих партий. Такие ученые сражаются за догмы метафизических, религиозных, национальных, политических и социальных доктрин. Они узурпируют имя истории для своих работ как уловку с целью обмануть легковверных. Историк прежде всего должен быть ориентирован на познание. Он должен освободиться от партийности. В этом смысле он должен быть нейтральным по отношению к любым ценностным суждениям.

Постулату *Wertfreiheit* легко соответствовать в области наук, характеризующихся априоризмом (логика, математика, праксеология) и в области экспериментальных наук. По отношению к этим дисциплинам логически несложно провести резкую границу между научным, беспристрастным подходом и подходом, искаженным предубеждением, предвзятыми идеями и страстями. Гораздо сложнее подчиняться требованию ценностной нейтральности в истории. Так как предмет истории — конкретное случайное и внешнее содержание человеческой деятельности, это ценностные суждения, спроецированные на реальность изменений. На любом этапе своей работы историк занимается ценностными суждениями. Ценностные суждения людей, о чьих действиях он сообщает, являются основой его исследований.

Утверждается, что сам историк не в состоянии избегать ценностных суждений. Ни один историк — даже простодушный хроникер или газетный репортер — не регистрирует всех случившихся фактов. Он должен выделить и отобрать события, по его мнению, заслуживающие регистрации, и умолчать об остальных. Говорят, что этот отбор заключает в себе ценностное суждение. Он необходимо обусловлен мировоззрением историка и поэтому не является беспристрастным, а есть результат предвзятых идей. История никогда не сможет быть не чем иным, кроме искажения фактов; она никогда не сможет быть по-настоящему научной, т.е. нейтральной по отношению к ценностям и направленной исключительно на открытие истины.

Не подлежит сомнению, что свобода отбора фактов, которой располагают историки, может быть использована не по назначению. Выбор историка может

направляться и направляется партийными пристрастиями. Однако проблема более запутанна и сложна, чем нас стараются уверить. Ее решение необходимо искать на основе гораздо более тщательного исследования методов исторической науки.

Занимаясь исторической проблемой, историк использует все знание, предоставляемое логикой, математикой, естественными науками и особенно праксеологией. Однако инструменты мышления этих дисциплин не удовлетворяют его задачам. Они его необходимые помощники, но сами по себе не могут дать ответ на вопросы, которыми он занимается.

Ход истории определяется действиями индивидов, а их действия, в свою очередь, обуславливаются ценностными суждениями действующих индивидов, т.е. целями, которые они стремятся достичь, и средствами, которые они применяют для достижения этих целей. Выбор средств является результатом всех технологических знаний действующего индивида. Во многих случаях можно оценить результаты применения средств с точки зрения праксеологии или естественных наук. Но остается огромное число вопросов, не поддающихся прояснению с их помощью.

Исследование этих ценностных суждений и результатов действий, которые не могут быть проанализированы в рамках других отраслей знания, и является особой задачей истории, для чего она использует специальный метод. Подлинная проблема историка — интерпретировать события, когда они произошли. Но он не может решить эту задачу, основываясь только на теоремах, предлагаемых другими науками. У каждой его проблемы всегда существует остаток, который не поддается анализу с помощью теорий других наук. Именно эти индивидуальные и уникальные характеристики каждого события изучаются посредством *понимания*.

Уникальность и индивидуальность, сохраняющиеся в остатке каждого исторического факта после того, как исчерпаны все средства интерпретации, предлагаемые логикой, математикой, праксеологией и естественными науками, являются конечной данностью. Но если естественные науки о своих конечных данностях не могут сказать ничего, кроме констатации этого их статуса, история может попытаться сделать свои конечные данности понятными. И хотя их нельзя свести к их причинам (в противном случае они не являлись бы конечной данностью), историк может их понять, потому что сам он — также человеческое существо. Бергсон называет это понимание интуицией, а именно: «*симпатию*»¹⁵, посредством которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с тем уникальным и, следовательно, невыразимым, что в нем есть»¹⁵. Немецкие эпистемологи называют это действие *das spezifische Verstehen der Geisteswissenschaften* или просто *Verstehen*. Именно этот метод историки и остальные люди применяют, когда комментируют прошлые или

¹⁵ Bergson H. La Pensée et le mouvant. 4th ed. Paris, 1934. P. 205.⁽¹⁷⁾

предсказывают будущие человеческие события. Открытие и определение понимания стало одним из важнейших вкладов в современную эпистемологию. Это, разумеется, не проект новой науки, которой еще не существует и которая должна быть основана, и не предложение новой методологии для уже существующих наук.

Понимание нельзя путать с одобрением, пусть лишь условным и случайным. Историк, этнограф и физиолог иногда регистрируют события, кажущиеся им обратительными и отталкивающими; они смотрят на них лишь как на поведение, т.е. устанавливая лежащие в их основе цели, а также технологические и праксеологические методы, применяемые в процессе их совершения. Понять конкретный случай еще не значит простить или извинить его.

Кроме того, нельзя путать понимание с актом эстетического наслаждения явлением. Умение поставить себя на место другого (*Einfühlung*) и понимание — два совершенно различных отношения. Это разные вещи: с одной стороны, исторически понять произведение искусства, определить его место, смысл и роль в потоке событий и, с другой стороны, оценить его эмоционально как произведение искусства. На храм можно смотреть глазами историка. Но на храм можно смотреть и глазами восторженного обожателя, и глазами безучастного и равнодушного туриста. Одни и те же индивиды могут демонстрировать оба типа реакции: и эстетическое оценивание, и акт научного понимания.

Понимание устанавливает факт, что индивид или группа индивидов включены в определенную деятельность, проистекающую из определенных ценностных суждений и актов выбора и ориентированную на определенные цели, а также то, что они применяют для достижения этих целей определенные средства, предлагаемые соответствующими технологическими, терапевтическими и праксеологическими теориями. Далее, понимание оценивает сущность и силу воздействий, вызываемых деятельностью; оно пытается присвоить каждому действию его релевантность, т.е. его влияние на ход событий.

Предмет понимания — мысленное представление явлений, которые не могут быть полностью объяснены с помощью логики, математики, праксеологии и естественных наук, в той мере, в какой они не могут быть раскрыты всеми этими науками. Оно не должно противоречить учениям этих и других отраслей знания¹⁶. Реальное телесное существование дьявола подтверждается бесчисленными историческими документами, которые являются вполне надежными во всех других отношениях. Многочисленные трибуналы при надлежащем соблюдении юридических процедур, основываясь на показаниях свидетелей и признаниях обвиняемых, установили факт плотского совокупления дьявола с ведьмами. Несмотря на это, никакая апелляция к пониманию не может служить оправдани-

¹⁶ Ср.: *Langlois Ch. V. and Seignobos Ch. Introduction to the Study of History* / trans. by G. G. Berry. London, 1925. P. 205–208.⁽¹⁸⁾

ем утверждения историка о том, что дьявол реально существует и вмешивается в человеческие дела. Это можно назвать не иначе, как галлюцинациями возбужденного человеческого мозга.

Хотя сказанное выше является общепринятым в отношении естественных наук, по отношению к экономической теории некоторые историки занимают другую позицию. Они пытаются противопоставить экономическим теоремам апеллирование к документам, якобы доказывающим вещи, несоместимые с этими теоремами. Они не понимают, что сложные явления не могут доказать или опровергнуть ни одну теорему и поэтому не могут свидетельствовать против какого-либо положения теории. Экономическая история возможна только в том случае, если есть экономическая теория, способная пролить свет на экономическое поведение. Если экономическая теория отсутствует, то сообщения, касающиеся экономических фактов, — не более чем собрание бессвязных данных, поддающихся любой произвольной интерпретации.

8. Концептуализация и понимание

Задача наук о человеческой деятельности заключается в понимании смысла и релевантности человеческой деятельности. С этой целью они применяют две различные познавательные процедуры: концептуализация и понимание. Концептуализация — мыслительный инструмент праксеологии; понимание — специфическое средство истории.

Праксеологическое познание понятийно. Праксеология обращается к необходимым сторонам человеческой деятельности. Это познание универсалий и категорий.

Историческое познание обращается к тому, что есть уникального и индивидуального в каждом событии или классе событий. Вначале оно анализирует объект своих исследований с помощью средств, предоставляемых всеми остальными науками. Доведя до конца эту предварительную работу, история встречается со своей специфической проблемой: пролить свет на уникальные и индивидуальные характеристики события с помощью понимания.

Как отмечалось выше, утверждается, что история никогда не сможет стать научной, так как историческое понимание зависит от ценностных суждений историка. Понимание, говорят нам, — всего лишь эвфемизм произвольности. Работы историков всегда односторонни и партийны; они не сообщают факты; они их искажают.

Разумеется, исторические исследования пишутся с различных точек зрения. Одни работы по Реформации написаны с позиции католической церкви, другие — с позиции протестантов. Существует «пролетарская» история и «буржуазная» история, историки тори и историки вигов. Каждая нация, партия, языковая группа имеет собственных историков и собственные взгляды на историю.